

Литературный факт. 2025. № 4 (38).
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/>
<https://elibrary.ru/>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (38), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Из истории академической серии «Литературное наследство» в 1930-е годы: «Пушкинский» том (т. 16–18)¹

© 2025 г. Д.М. Цыганов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-001961, «От ранних писательских объединений к Оргкомитету Союза советских писателей: Генезис институциональных форм в культурном строительстве РСФСР/СССР (Цифровой архив документальных данных и исследований)» (<https://rscf.ru/project/25-18-00196/>).

Аннотация: В статье рассматривается история подготовки «пушкинского» тома из серии «Литературное наследство» (т. 16–18, М.: Жургазобъединение, 1934), который стал одним из самых масштабных проектов советского литературоведения 1930-х гг. В центре исследования — анализ тех стратегий взаимодействия с методологическим «наследством» дореволюционного и раннесоветского пушкиноведения, которых придерживались И.С. Зильберштейн и И.В. Сергиевский. Они, будучи кураторами этого проекта, обвиняли предшественников в «крохоборчестве», увлечении мелкими биографическими деталями и отсутствии системного подхода к биографии и творчеству поэта. В противовес этому том «Литературного наследства» позиционировался как начало «марксистско-ленинского» изучения Пушкина, где его творчество должно было анализироваться не только как эстетический, но и как социальный и исторический феномен. В то же самое время работа по подготовке этого тома отразила борьбу научных школ: ленинградские текстологи и московские исследователи по-разному видели задачи «нового» пушкиноведения. Несмотря

¹ Настоящая статья продолжает разыскания в области истории академической серии «Литературное наследство» в 1930-е гг., ранее предпринятые в работах Д.С. Московской [7; 8; 9]. Автор приносит слова глубокой благодарности Д.С. Московской, С.И. Панову и В.В. Турчаненко за ценные замечания, многочисленные уточнения, советы, дополнения и интерес к этому исследованию.

на откровенно идеологизированную риторiku, сборник сохранял и подлинно научную ценность не только благодаря публикации уникальных материалов, но и из-за попытки синтеза историко-литературного и социологического подходов к биографии и творчеству Пушкина. В статье подробно исследуются редакционная политика издания, ключевые методологические установки, а также идеологический контекст, в котором создавался «пушкинский» том «Литературного наследства».

Ключевые слова: интеллектуальная история, история науки, история советского литературоведения, советское пушкиноведение, идеология и филология, «Литературное наследство», А.С. Пушкин, И.С. Зильберштейн, Б.В. Томашевский.

Информация об авторе: Дмитрий Михайлович Цыганов — научный сотрудник Отдела рукописей, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6633-3401>

E-mail: tzyganoff.mitia@yandex.ru

Для цитирования: Цыганов Д.М. Из истории академической серии «Литературное наследство»: «Пушкинский» том (т. 16–18) // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 434–470. <https://doi.org/>

В статье «Как делалась эта книга», опубликованной в июне 1935 г. в «Литературной газете», И.С. Зильберштейн и И.В. Сергеевский писали:

Пушкинский сборник «Литературного наследства» был задуман одним из самых первых в ряду тематически единых томов нашего журнала. Объем поставленных задач и сложность работы по их выполнению задерживали его осуществление. Только поэтому нам пришлось в первую очередь выпустить специальные тома, посвященные русской литературе XVIII в., Гете и Салтыкову-Щедрину. Самая идея создания коллективных пушкинских сборников была уже давно скомпрометирована. Порочность почти всех вышедших до революции пушкинских сборников состоит прежде всего в том, что все они, за единичными исключениями, выше тем «Женская ножка в поэзии Пушкина»² или «Еще одна дата из жизни Пушкина» не поднимались. В послереволюционных сборниках значительное место занимало эстетское смакование пустяков, забывавших голову читателей мусором мельчайших бытовых фактиков и никому не интересных биографических подробностей из жизни знакомых

² Очевидно, авторы статьи иронически отсылают в том числе и к заметке Б.В. Томашевского «Маленькая ножка», опубликованной в 1930 г.; см.: *Томашевский Б.В. Маленькая ножка* // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Л.: АН СССР, 1930. Вып. 38–39. С. 76–78.

Пушкина. Пестрота, случайность и никчемность публикуемого материала были почти неизбежными их признаками. Работы и публикации, действительно значительные и ценные, неизбежно перемежывались с работами, несущими на себе печать того крохоборчества, которым так славно было цеховое академическое пушкиноведение³.

Критика, содержащаяся в приведенном фрагменте, примечательна не с точки зрения весьма типичной для 1930-х гг. риторики, а с точки зрения того, что *ее предметом оказывается едва ли не вся традиция научного изучения пушкинского наследия*. Авторы оценили как несущественное почти все, что к тому моменту было сделано историками, литературоведами, лингвистами, текстологами и т. д., — громадный корпус написанных исследований и опубликованных материалов. Собственно советскую часть пушкинианы Зильберштейн и Сергиевский предусмотрительно обошли вниманием, указав лишь на ее недостаточную целостность и слабую оформленность в качестве самостоятельной области филологических исследований. Вместе с тем примечательную характеристику пореволюционному пушкиноведению находим в соответствующей статье, написанной В.С. Нечаевой в первой половине 1930-х для девятого тома «Литературной энциклопедии», вышедшего в 1935 г. в издательстве Комакадемии:

После революции в области пушкиноведения продолжала работать школа архивистов-текстологов и фактографов. Многолетние биографич<еские> изыскания нашли своеобразный итог в работе В.В. Вересаева («Пушкин в жизни», 1926–1927), сыгравшей большую роль в деле популяризации живого образа поэта и мемуарных сведений о нем, до этой поры известных одним специалистам. Исключительно ценные работы в плане изучения биографии Пушкина дал П.Е. Щеголев, капитально переработавший свою старую работу «Дуэль и смерть Пушкина» <...> и «Пушкин и мужики» <(1928)>. Проблемы, поставленные в его книгах, — взаимоотношения Пушкина и правительственных кругов эпохи Николая I и экономика быта Пушкина — резко порывают с традициями прежних биографов Пушкина и подводят к созданию научной биографии поэта. Вместе с тем в пореволюционной научной лит<ерату>ре повысился интерес к проблемам стиля и языка произведений Пушкина. В этой области

³ Зильберштейн И.С., Сергиевский И.В. Как делалась эта книга // Литературная газета. 1935. № 31 (522). 5 июня. С. 2.

надо отметить работу В.М. Жирмунского («Байрон и Пушкин», 1924), не лишенную многих интересных материалов и наблюдений, несмотря на общий ее формалистический характер.

Переверзианская школа, исходя из меньшевистского понимания природы лит<ерату>ры и исторического процесса, стремилась втиснуть образ и творчество Пушкина в узкие рамки идеологии вымирающей феодальной аристократии, игнорируя диалектику развития творчества Пушкина и объективный смысл его творчества, искажая и обедняя его значение в истории русской лит<ерату>ры⁴.

Следующий большой фрагмент статьи посвящен очень подробному разбору работ Благого⁵. А завершается статья характеристикой текущей ситуации в науке:

В настоящее время в связи с приближающейся столетней годовщиной смерти Пушкина среди пушкиноведов началось явное оживление. Готовится академическое издание его сочинений и описание его рукописей, над к<ото>рым работают текстологи-комментаторы М.А. Цявловский, Б.М. Томашевский, Ю.Г. Оксман, С.М. Бонди, Г.О. Винокур и др., подготавливается биография и ряд других работ. Образована специальная комиссия для подготовки юбилея, в которую вместе с пушкиноведами входят члены правительства. Проводится ряд мероприятий, которые должны вывести изучение Пушкина из замкнутого круга специалистов в широкую общественность и сделать его достоянием народных масс. Наряду с изданием произведений Пушкина, с его распространением важнейшей задачей является оценка пушкинского творчества, его художественных

⁴ Литературная энциклопедия: в 11 т. М.: ОГИЗ РСФСР, 1935. Т. 9. Стб. 444–445. Более развернутую характеристику пореволюционной науке о Пушкине Нечаева дала в статье с примечательным названием «Пушкиноведение вчерашнего дня», опубликованной в журнале «Литература и марксизм» в четвертой книге за 1929 г.

⁵ Ср.: «Ряд работ, посвященных по преимуществу вопросу о классовой сущности творчества Пушкина, дал Д.Д. Благой (“Классовое самосознание Пушкина”, 1927, “Социология творчества Пушкина”, изд. 1, 1929, изд. 2, 1931, “Три века”, 1933, “Развитие реализма в творчестве Пушкина”, “Литературная учеба”, 1935, I). Творчество Пушкина им рассматривается как отражение перехода русского дворянства от XVIII в. к XIX в., от феодально-дворянского мира к новым буржуазным отношениям. Противоречия между “старинной” и “новизной” в личном бытии П<ушкина>, по Благому, сказались, с одной стороны, в осознании им себя «шестисотлетним дворянином», а с другой — вживанием его в качестве профессионала-писателя в мир буржуазных отношений. Неправильная оценка роли профессионализации в эволюции пушкинского творчества, излишнее доверие к личным высказываниям П<ушкина> о себе при объяснении идейно-исторического смысла его мировоззренческой концепции в известной мере ослабляют убедительность высказываний Благого. Не вполне правильно рассматривает он и социальный смысл декабрьского восстания. Ценной стороной работы Благого является его внимание к художественной стороне произведений П<ушкина> и синтетическое, обобщающее раскрытие его творчества в его противоречиях» (Литературная энциклопедия: в 11 т. М.: ОГИЗ РСФСР, 1935. Т. 9. Стб. 445). Подробнее см.: [12, с. 408–452; 13].

достоинств марксистско-ленинской литературной критикой, дальнейшее уяснение его исторической роли и его значения для нашей социалистической действительности⁶.

Иными словами, ко времени выхода в свет «пушкинского» тома повсеместная критика «старого пушкиноведения», в разряд которого записывалась, например, деятельность участников семинара С.А. Венгерова, выпускавших историко-литературные сборники «Пушкинист» (под ред. С.А. Венгерова. СПб./Пг.: Фототипия и Типография А.Ф. Дресслера, 1914–1918), Пушкинской комиссии при Одесском Доме ученых, под грифом которой выходили сборники «Пушкин: Статьи и материалы» (под ред. М.П. Алексеева. Одесса: [Б. и.] 1925–1927), московского пушкинского кружка М.А. Цявловского и Пушкинского общества, хотя и стала «общим местом», но все еще провоцировала пристрастное общественное отношение к дотошным текстологам и несмелым интерпретаторам⁷.

Критика эта по большей части была самодовлеющей и поэтому не задавалась вопросом о возможных путях преодоления наметившегося кризиса. Такая ситуация стала поводом к поиску перспективных теоретико-методологических путей преодоления самозамкнутости пушкиноведения. И вскоре прицельное обращение к громадному корпусу филологических штудий 1920-х гг. позволило приблизиться к искомому результату. Почти за десять лет до появления литнаследского тома в небольшой, но принципиально важной для профессионального круга ученых⁸ книге «Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения» (Л.: Культурно-просветительное трудовое товарищество «Образование», 1925) Томашевский писал:

Для «Пушкинизма», как для отрасли архивной работы, характерно игнорирование литературного объекта в изучении Пушкина. Вряд ли будет преувеличением сказать, что со времен статей Белинского ничего столь же существенного по изучению историко-литературного значения Пушкина не сделано — по крайней мере, в таком же объеме. Этим, может быть, объясняется, почему оценки Белинского, обусловленные его критическим направлением,

⁶ Литературная энциклопедия: в 11 т. М.: ОГИЗ РСФСР, 1935. Т. 9. Стб. 446.

⁷ Весьма подробный критический обзор сделанного в области пушкиноведения в два первых десятилетия XX в. содержится в упомянутой книге Н.К. Пиксанова «Пушкинская студия» (Пб.: Атений, 1922), а также в объемном введении к книге М.Л. Гофмана «Пушкин: Первая глава науки о Пушкине» (Пб.: Атений, 1922).

⁸ Так, например, подписанный автором экземпляр из личной библиотеки Виноградова (инв. № 1480) имеет большое число помет и подчеркиваний. Примечательно, что книга Виноградова «Гоголь и натуральная школа» вышла тогда же в той же книжной серии.

до сих пор являются определяющими в широких кругах. «Общие» работы о Пушкине все более и более становятся перепевами старого, и центр научной тяжести переносится на мелкую «эссенетскую» работу по отдельным вопросам. Этот эссенизм характерен вообще для Пушкинской литературы.

Сейчас гораздо более в моде «сборники статей» о Пушкине, нежели цельные, обширные работы, которые получили нелестное наименование «кирпичей». Историко-литературная мозаика, которая своей цельностью могла бы вытеснить пристрастные мнения Белинского. Тем не менее именно теперь положено начало сдвигу исторической оценки Пушкина. <...> Пора забыть обычный мессианиззм Пушкина с типичным разделением русской литературы на ветхозаветную до Пушкина и новозаветную после Пушкина. Пора вдвинуть Пушкина в исторический процесс и изучать его так же, как и всякого рядового деятеля литературы. <...> Вдвигая Пушкина в литературный ряд его современности, мы тем самым должны отказаться от старых (может быть, пропедевтически удобных и теперь) приемов изучения его творчества на фоне его личной жизни, оторвать его творчество от его жизни, и изучать его на фоне общественно-литературных интересов его современности. Творчество Пушкина не как акт индивидуальный, а как факт социальный — очередная задача науки. Но этот социальный момент не приходится расширять до совершенно абстрактных проблем вневременной национальной или даже вселенской культуры, а лишь до четких и узких пределов литературы его времени. Более, нежели когда-либо, сейчас необходимо изучать Пушкинское окружение и взглянуть на Пушкина извне, исходя из этого окружения⁹.

Идея Томашевского о системном подходе к историко-литературному исследованию выгодно перекликалась с сформировавшимся в те годы представлением о «литературном процессе» прошлого. Построение нарратива о «литературной эволюции» через призму персонального канона предоставляло возможность не только выделывать наиболее существенные — «классические» — явления культуры прошлого, но и очерчивать области их эстетического влияния. Именно это позволяло локализовать, существенно сузить сферу идеологического

⁹ Томашевский Б.В. Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения. Л.: Культурно-просветительное трудовое т-во «Образование», 1925. С. 73–75. Позднее Томашевский более конкретно сформулирует теоретические принципы предложенной им аналитической рамки в докладе на ленинградском диспуте «Марксизм и формальный метод» 6 марта 1927 г.; см.: *Tomashevsky B. La nouvelle école d'histoire littéraire en Russie // Revue des études slaves*. 1928. № 8. P. 226–240.

приложения спекулятивных смыслов, сохранив степень их влияния на читательское сообщество. Особое отношение к классике, подразумевающее ее «критическую переработку в духе социализма», изменило сущность научного осмысления культуры прошлого. Иная логика и иная прагматика научной работы должны были лечь в основание «новой» науки о жизни и творчестве Пушкина, принципиально отграниченной от «дремучего пушкиноведения»; основные принципы этой «новой» науки, в ряде мест поразительно созвучные вышеприведенным словам Томашевского, Зильберштейн сформулировал в процессе предпечатной подготовки «пушкинского» тома:

1. Основной пафос академической науки о Пушкине — пафос факта, безотносительно к тому, каково научное значение и научный смысл этого факта. Отсюда — чрезвычайная неравноценность оставленного ею наследия: много материала действительно важного, действительно существенного, но наряду с ним — горы совершенно бросовых генеалогических и геральдических мелочей, никому и низачем не нужных.

2. Попытки ревизии академического пушкиноведения, имевшие место в революционное время, к должным результатам не привели, ибо ложна была их исходная теоретико-методологическая база. Это — причина основная, но, однако, не единственная. При пересмотре наследия академической пушкинианы прежде всего выяснилось, что несмотря на все обилие собранного ею сырого материала, материал этот настолько хаотичен, что в общем картина, построенная на основе его, неизбежно имела бы ряд зияющих пробелов.

3. Некоторые из пробелов сейчас можно считать более или менее устраненными. В результате работы ряда исследователей поднят на должную теоретическую высоту вопрос об эволюционном значении поэзии Пушкина, о месте ее в ряду смежных литературных формаций. Но этим вопрос решен только наполовину, ибо с должной четкостью вычертить социальный профиль Пушкина мы сможем только освоив его наследие во всех его связях и опосредствованиях, а не ограничиваясь пределами одного только литературного ряда.

4. В частности — особенно повышается сейчас удельный вес внеэстетических, внелитературных моментов пушкинского наследия. Выясняется невозможность полного и всестороннего осмысления поэтической практики Пушкина изолированно от его классовой практики вообще. Отсюда актуальность таких разделов пушкиноведения, как изучение публицистики Пушкина, его исторических опытов и т. д.

5. Поэтому-то, учитывая, конечно, вспомогательный, служебный, в конечном итоге, характер таких экскурсов, все же является необходимым в первую очередь активизировать работу именно на этом участке.

6. Вместе с тем не должна ослабляться работа и на остальных участках. К 1937 году мы подходим, не имея настоящего академического собрания сочинений Пушкина, не имея его интегральной биографии. Отсюда совершенно очевидно, что нельзя отмахиваться и от этих вопросов, как вопросов сугубо академических и лежащих вне рамок подлинного социологического изучения Пушкина¹⁰.

Не многие из этих положений в итоге нашли выражение в редакционном предисловии, но все они так или иначе повлияли на концепцию «пушкинского» тома и ее итоговую реализацию.

За почти рапповским шельмованием предшественников крылось стремление к созданию «новой» науки, которая должна была строиться на принципиально иных аксиологических представлениях. По-иному должен был решаться вопрос о *ценности* и *пользе* научного знания; по-иному же следовало организовывать литературоведческую работу. Инициаторы вышедшего тома стремились еще раз обратить внимание не только представителей профессионального сообщества, но и далеких от филологических кругов читателей на исключительную важность опубликованных материалов¹¹, заполнявших множество историко-литературных и биографических лакун. Действительно, авторами статей и подготовителями разнообразнейших материалов выступили ведущие специалисты той эпохи, а сам сборник стал едва ли не самым масштабным пушкиноведческим предприятием 1920-х – первой половины 1930-х гг., как бы подведшим итоги работы пореволюционного пушкиноведения. Однако претензия составителей была куда серьезнее: в их планы

¹⁰ *Зильберштейн И.С.* Замечания к проекту предисловия пушкинского сборника, без даты // РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 17–18.

¹¹ О количестве написанного про жизнь творчество Пушкина помогают судить многочисленные справочные издания, начавшие выходить еще в XIX в. — см., например: Puschkiniana: Библиографический указатель статей о жизни А.С. Пушкина, его сочинений и вызванных ими произведений литературы и искусства / сост. В.И. Межов. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1886; *Пиксанов Н.К.* Пушкинская студия: Введение в изучение Пушкина. Темы для литературных работ. Систематическая библиография. Руководящие вопросы. Пг.: Атеней, 1922; *Фомин А.Г.* 1) Puschkiniana, 1900–1910. Л.: АН СССР, 1929; 2) Puschkiniana, 1911–1917. М.; Л.: АН СССР, 1937; *Берков П.Н., Лавров В.М.* Библиография произведений А.С. Пушкина и литературы о нем, 1886–1899. М.; Л.: АН СССР, 1949; *Добровольский Л.М., Мордовченко Н.И.* Библиография произведений А.С. Пушкина и литературы о нем, 1918–1936: [в 2 ч.]. М.; Л.: АН СССР, 1952–1973; см. также: *Добровольский Л.М., Лавров В.М.* Библиография пушкинской библиографии, 1846–1950. М.; Л.: АН СССР, 1951; *Мартынов Г.Г.* Библиография пушкинской библиографии, 1846–2001. СПб.: Атон, 2002.

входило осуществление методологического поворота, который ознаменовал бы собою новый этап академического пушкиноведения. В предисловии от редакции утверждалось:

...на всестороннее и исчерпывающее разрешение громадного и сложного комплекса проблем, стоящих на сегодняшний день перед наукой о Пушкине, не претендует ни одна из печатаемых в сборнике работ, но все же одни из них намечают вехи, которыми сможет руководиться будущий исследователь, другие ценны выводами отрицательного порядка: они дают критику того, что до сих пор делалось в области изучения Пушкина, противопоставляя старому идеалистическому пушкиноведению новые точки зрения, построенные на диалектико-материалистическом осмыслении современной Пушкину литературной и исторической действительности. <...> печатаемые ниже работы проблемно-теоретического порядка должны рассматриваться как подступ, как *начало марксистско-ленинского изучения пушкинского наследства* в свете современности¹².

И далее:

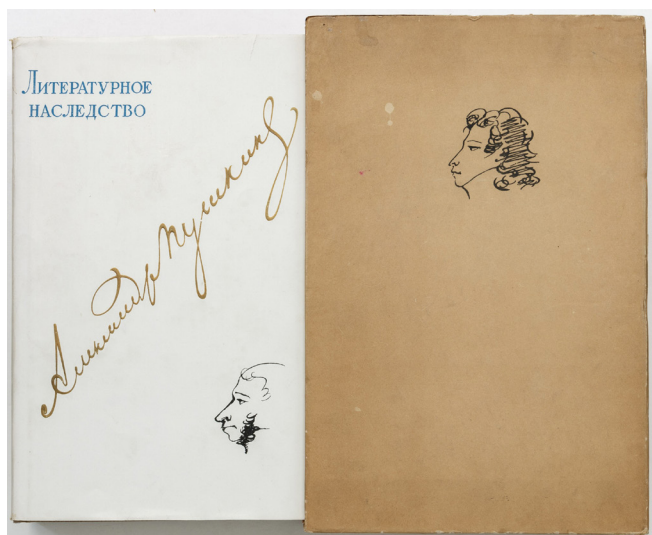
В заключение редакция еще раз подчеркивает, что настоящий сборник она не рассматривает как итоговый, обобщающий. Это — первый шаг к переоценке пушкинского наследия¹³.

«Пушкинский» строенный том «Литературного наследства» закономерно стал самым многостраничным за всю историю книжной серии и едва ли не самым обсуждавшимся в советской и заграничной прессе¹⁴. Его объем составляет 1184 страницы и включает в себя семь разделов, в которых приведены 328 иллюстраций, 5 четырехцветных репродукций и 4 фототипии. Этот том вышел 10-тысячным тиражом

¹² Литературное наследство: [А.С. Пушкин]. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. Т. 16–18. С. 1–2.

¹³ Там же. С. 2. Курсив мой. — Д.Ц.

¹⁴ См., например: Пушкинский сборник «Литературного наследства» // Литературная газета. 1934. № 71 (387). 6 июня. С. 3; Пушкин в переписке современников // Вечерняя Москва. 1935. № 19 (3348). 23 января. С. 3; Богословский Н. Заметки о пушкинском томе «Литературного наследства» // Литературная газета. 1935. № 31 (522). 5 июня. С. 2; Попов П. Новое о Пушкине // Там же. С. 2; Заславский Д. Литературное наследство Пушкина // Правда. 1935. № 154 (6400). 6 июня. С. 4; Чулков Г. Ревнители пушкинской славы: (По поводу некоторых статей в пушкинском сборнике «Литературного наследства») // Красная новь. 1935. № 8. С. 209–216; Гессен С. Накануне пушкинского юбилея // Литературный современник. 1936. № 1. С. 217–234. Более полный перечень откликов на материалы «пушкинского» тома см.: [5, с. 365–366].

Илл. 1

Литературное наследство, [А. С. Пушкин] / План тома, орг. материалов, лит. ред., подбор ил. и оформл. И. С. Зильберштейна и И. В. Сергиевского; суперобложка и обложка работы И. Ф. Рерберга. М.: Журнально-газетное объединение, 1934.

Literary Heritage, [A. S. Pushkin] / Volume plan, organizational materials, literary ed., selection of illustrations and design by Il'ia S. Zil'berstein and Ivan V. Sergievsky; dust jacket and cover by I. F. Ivan F. Rerberg. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie Publ., 1934.

в издательстве Жургазобъединения¹⁵; цена экземпляра была весьма высокой — 45 рублей (10 рублей — за переплет), что по официальной статистике составляло существенную часть от месячной заработной платы промышленного или сельскохозяйственного рабочего в середине 1930-х гг.

Задуманный Зильберштейном¹⁶ в самом начале 1930-х гг. том неоднократно менял свои концептуальные и содержательные пара-

¹⁵ Том был сдан в набор 15 января 1934 г., а к печати подписан 10 октября. Тираж был отпечатан в типографии Гознака (Москва, ул. Мытная, 17).

¹⁶ Свидетельством давнего интереса Зильберштейна к Пушкину была его скандальная 26-страничная публикация «Из бумаг Пушкина: (Новые материалы)» (М.: Огонек, 1926), вышедшая в серии «Библиотека "Огонек"» (№ 102). Ср. реакцию Томашевского в письме к Цявловскому на ее появление: «Неграмотность Зильберштейна явствует из того, что среди напечатанных им документов нет ни одного им самим прочитанного. Этим объясняется, почему он на веру перепечатывает ошибки предшественников <...> Если б вы могли чувствовать, как тяжело иметь дело с Пушкинским Домом! Гнездо невежества, интриг,

метры, что не в последнюю очередь было связано с параллельной подготовкой нескольких сборников: тематически близкие исследования и материалы, как свидетельствует редакторская документация, кочевали из одного тома в другой по мере их синхронного наполнения. В воспоминаниях К.П. Богаевской находим еще одно весьма частное, но тем не менее важное объяснение причудливой издательской политики в отношении пушкинских материалов, связанное с вмешательством Цявловского (в самом начале 1930-х Зильберштейн часто бывал у него дома):

В январе 1932 года среди пушкинистов зародилось глухое брожение, связанное со статьей Н.К. Козмина о дневнике Пушкина, якобы находившемся у его внучки Елены Александровны за границей. Статья должна была появиться в первом номере только что организованного «Литературного наследства». М.А. считал, что статью необходимо остановить — появление ее только отпугнет владелицу пушкинских материалов, и она может продать их американским коллекционерам. Он волновался, звонил, доказывал, ходил к Луначарскому. Тот принял М.А. заспанный, в халате и, позевывая, вяло согласился, что статью не следует печатать. На другой день к Луначарскому пошел редактор «Литературного наследства» И.С. Зильберштейн. Луначарский и с ним согласился, что статью Козмина можно печатать. М.А. дошел до того, что даже умолял Зильберштейна не публиковать статью, но тот не уступал. Тогда М.А. обратился к В.Д. Бонч-Бруевичу. Последний сделал доклад <А.С.> Бубнову, доказывая, со слов М.А., что в таком случае дневник погиб для нас, а нужно действовать дипломатично и приобрести у Ел. Ал. все пушкинские реликвии. 19 января Бубнов дал приказ снять статью. Торжество в доме Цявловских было полное. М.А. ужасно горячился, ругая Модеста Гофмана (в свое время неудачно вмешавшегося в отношения А.Ф. Онегина с Еленой Александровной), называл его — «негодяй, авантюрист», «Хлестаков от науки»; Зильберштейна — «этот внук моих учеников» и «нахал», а Козмина — «Мерзавец! Гнусь! Ничтожество!» Последние слова

деспотизма и самодовольства» (цит. по: [15, с. 240]). Еще жестче о работе Зильберштейна отзывался Лернер, — см.: *Лернер Н.О.* Халтура со взломом // Литературно-художественный сборник «Красной панорамы». Л.: Красная газета, 1929. [Вып. 6]. С. 31–32. Позднее Томашевский напишет об этой брошюре в обзоре для «пушкинского» тома: «факсимиле стих<отворений> “Брожу ли я...”, “Царскосельская статуя”, “Желал я душу освежить” не слишком отчетливые и сопровождаемые не всегда исправным научным комментарием даны в брошюре И.С. Зильберштейна <...>, “следующего научного издания” этой работы, обещанного автором в предисловии, не воспоследовало» (Литературное наследство: [А.С. Пушкин]. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. Т. 16–18. С. 1101).

просил меня записать в мой дневник крупными буквами и подчеркнуть (что я тогда же и выполнила). Затем я ездила к Бонч-Бруевичу за оттиском статьи Козмина, и мы в три руки ее переписывали (т. е. М.А., Т.Г. и я) [15, с. 13].

Кроме того, работу по их составлению осложняли постоянно шедшие переговоры о предоставлении прав на публикацию тех или иных источников; максималистская позиция Зильберштейна и его коллег по редакции почти не согласовывалась с прижимистыми взглядами управителей архивохранилищ, часто не желавших даже за деньги предоставлять (нередко — якобы по причине утраты или невозможности найти) особо ценные материалы¹⁷. Большое количество не опубликованных, а порой и вовсе не известных документов в те годы находилось во владении частных лиц, что требовало от Зильберштейна и его единомышленников особого подхода к их добыче. По точному замечанию С.В. Шумихина,

редакционный портфель издания требовал архивных материалов, которые Зильберштейн с настойчивостью и азартом добывал. Коллекционерство было его страстью и призванием («И.С. Зильберштейну — неумолимому охотнику в литературных лесах, с дружбой», — надписал ему 25 октября 1930 г. свою книгу «Крупная дичь» Михаил Кольцов). Но оплачивать приобретение личных архивов из редакционного бюджета он не мог, а Гослитмузей как раз располагал средствами, специально для этого предназначенными. Кроме того, Бонч-Бруевич <...> нуждался в опытных редакторах для таких изданий ГЛМ, как «Летописи» и «Бюллетени» («Звенья» он оставил за собой) [16, с. 76].

Методы такой «литературной охоты» были разными — от обмана и грубого шантажа до вымогательства и прямых угроз; однако их результативность тогда не вызывала сомнений. О своих достижениях в деле приобретения материалов Зильберштейн неустанно напоминал Бонч-Бруевичу в развернутых письмах-отчетах, требуя

¹⁷ Показательно официальное письмо Г.А. Гуковского и заместителя заведующего Архивом ИРЛИ И.Л. Маяковского Зильберштейну от 25 сентября 1934 г. (№ 52–10): «ИРЛИ АН СССР, узнав из печатного извещения о том, что в Вашем издании предполагаются к опубликованию отрывки из поэмы А.С. Пушкина “Тень Фонвизина”, считает необходимым решительно протестовать против публикации материалов, принадлежащих архиву ИРЛИ, без соответственного разрешения Института. ИРЛИ настаивает на изъятии публикации “Тени Фонвизина”, оставляя за собой право, в противном случае, опротестовать действия журнала, направленные к ущербу собственности ИРЛИ» (РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 146). Также ср. письмо Гуковского о проблемах с обнаружением в ИРЛИ рукописей А.Т. Болотова; см.: Там же. Л. 75.

скорейшей оплаты. По-видимому, впервые речь об этом зашла в письме от 25 ноября 1935 г.:

Опись того, что я достал в этом году для музея — огромна. Укажу на некоторые объекты — большой архив Аничковой <...>, 40 томов дневников сенатора Миллера, портрет Каратыгина работы Тропинина, эскизы декораций и костюмов Кустодиева к «Блохе», альбом с автографом Пушкина у Ладыженской, ценнейшие иностранные автографы <...> и очень много других материалов <...> до 7 подлинных автографов Пушкина, связку материалов по Тургеневу, весь архив Пушкинской опеки, альбом Пономаревой с автографами Пушкина, Крылова, Вяземского, Дельвига и мн. др.; получения у И.Ю. Бартеневой 4 рисунков Пушкина, автографа стихотворения «Зачем безвременную скуку...» и 3 писем Чаадаева к Вяземскому <...>¹⁸

О том же Зильберштейн писал 9 января 1936 г.: «<...> я непрерывно производил интенсивнейшее выявление архивных материалов и фондов, которые нередко бесплатно, а чаще всего по весьма низким ценам, доставлялись мною в Музей»¹⁹. Цявловский в дневнике дал «поганцу» Зильберштейну выразительную характеристику:

Еврейская пронырливость, настойчивость, порой бесцеремонность, всезнайство направились у него на материалы (рукописные) по истории русской литературы. Чего он только по этой части не знает [15, с. 71].

Но круг известных и по каким-то причинам не напечатанных материалов — особенно пушкинских! — сужался бешеными темпами.

Во второй половине 1930-х весьма определенная репутация сказала на темпах «архивной гонки»: ГЛИМ закономерно уступил первенство в деле накопления материалов ИРЛИ и ИМЛИ; ср. фрагмент письма Зильберштейна Бонч-Бруевичу от 10 февраля 1936 г.:

¹⁸ См.: ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 274. Ед. хр. 6. Л. 19–19 об.; цит. по: [15, с. 89].

¹⁹ [Письмо И.С. Зильберштейна В.Д. Бонч-Бруевичу], 9 января 1936 г. // РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 192. Л. 2. Далее следует подробный многостраничный перечень добытого Зильберштейном в 1935 г. (см.: Там же. Л. 2 об. –4; расширенный вариант письма см.: Там же. Л. 12–21). О методах завладения писательскими материалами см. также: Ильин Н.Н. Из воспоминаний библиотекаря / публ., предисл. и коммент. С.В. Шумихина // Альманах библиофила. М.: Книга, 1990. Вып. 27. С. 288–291.

Прежде всего, дорогой Владимир Дмитриевич, со всей присущей мне откровенностью я должен сообщить Вам, что отношение к нашему музею *резко отрицательное*. Мы совершенно безусловно утратили свое бывшее первое место в деле собирания и приобретения архивных ценностей. Нам в Ленинграде просто не доверяют, не верят в обещания выслать деньги, — а потому ничего ценного не хотят давать. Мы сейчас на третьем месте, — на первом Пушкинский Дом, который получил уже 120 000 руб. на приобретение архивных ценностей в <19>36 году (и который еще получит во II полугодии), на втором месте Институт Горького, который уже запустил щупальца в Питер. Это отношение к нам понятно. Ведь повсюду ходят десятки лиц, которым *по году* мы не платили. Кроме того, несколько сволочей периодически распускают слухи о банкротстве музея и т. д.²⁰

Связанные с Пушкиным материалы регулярно появлялись в «Звеньях» (в большинстве случаев редакция «Литературного наследства» оценивала эти публикации как предъявление миру «архивного хлама, сотен и тысяч никому и низачем ненужных архивных мелочей и мелочишек»). В первом выпуске (1932) Л.Б. Модзалевский опубликовал два новых пушкинских автографа, сопроводив их вступительной заметкой, комментариями и примечаниями, а также факсимиле²¹. Во втором выпуске (1933) число пушкинских материалов значительно возросло: Т.Г. Зенгер опубликовала три письма Пушкина к неизвестной (с факсимильным воспроизведением), сопроводив их пояснительной статьей и примечаниями²²; Н.С. Ашукин напечатал подробное комментированное описание четырех новонайденных автографов Пушкина с выставки «Пушкин и его эпоха», организованной Славянской библиотекой министерства иностранных дел и библиотекой Чешского народного музея и проходившей в Праге в марте 1932 г., а также сопровождаемую предисловием и примечаниями заметку А.С. Андреева о встрече с Пушкиным летом 1827 г.²³; Д.П. Якубович обнаружил в Рукописном отделе ИРЛИ и опубликовал (с факсимильным воспроизведением) пушкинскую выписку по-английски из со-

²⁰ См.: ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 274. Ед. хр. 6. Л. 26 об. —27; цит. по: [16, с. 94].

²¹ См.: Звенья: сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века / под ред. В.Д. Бонч-Бруевича, Л.Б. Каменева и А.В. Луначарского. М.; Л.: Academia, 1932. [Вып.] I. С. 50–56.

²² См.: Звенья: Сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века / Под ред. В.Д. Бонч-Бруевича и А.В. Луначарского. М.; Л.: Academia, 1933. [Вып.] II. С. 201–221. В публикации первого письма Пушкина к К. Собаньской от 2 февраля 1830 г. (см.: Там же. С. 201–205) принимал участие С.М. Бонди.

²³ См.: Там же. С. 221–225, 235–241.

чинений Фрэнсиса Бэкона²⁴; В.И. Срезневский подготовил к печати сохранившийся в архиве его отца мемуарный фрагмент из письма И.В. Росковшенко о его встрече с Пушкиным 24–26 октября 1831 г.²⁵; завершалась подборка сообщением Л.Б. Модзалевского о прижизненных изданиях Пушкина в период с 1831 по 1837 г.²⁶. Вдвое больше материалов и исследовательских заметок о Пушкине и его творчестве появилось в сдвоенном, третьем-четвертом, выпуске (1934), однако не все из них сопровождалось публикацией документов. К числу наиболее значительных в этой связи относились статья П.С. Попова с подробным описанием и частичным факсимильным воспроизведением бумаг из вновь открытого архива хозяйственных и семейных бумаг Пушкина²⁷ и заметка Т.Г. Зенгер «Пушкин у Трубецких» с факсимильным воспроизведением рисунка из альбома, принадлежавшего баронессе Н.Ф. Бодэ (урожд. Колычева; 1790–1860)²⁸; примечательно, что именно эти публикации не были упомянуты в предполагаемом содержании третьего выпуска, напечатанном в двух предыдущих сборниках²⁹. Зильберштейн продолжал следить за появлением пушкинских материалов и позднее, когда специальный литнаследский том уже был почти готов; 5 ноября 1934 г. он писал Бонч-Бруевичу:

Для хроники нашего пушкинского тома нам необходимо посмотреть пушкинские отделы в 5 и 6 сборниках «Звенья». Если они у вас сверстаны, дайте пожалуйста на один-два дня верстку, если нет, то не покажете ли гранки³⁰.

²⁴ См.: Там же. С. 225–231.

²⁵ См.: Там же. С. 231–235.

²⁶ См.: Там же. С. 241–253.

²⁷ См.: Звенья: сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века / под ред. В.Д. Бонч-Бруевича, Л.Б. Каменева и А.В. Луначарского. М.; Л.: Academia, 1934. [Вып.] III–IV. С. 129–146.

²⁸ См.: Там же. С. 221–232.

²⁹ Известно также, что для этого тома предназначался обзор вновь открытого архива Пушкина, который должен был подготовить Цявловский; об этом Бонч-Бруевич сообщил Н.П. Чулкову в письме от 5 февраля 1933 г. (см. машинописную копию письма (№ 53. Л. 84–86) в подшивке, подготовленной секретарем Бонч-Бруевича для личного пользования, — на архивной обработке в ГМИРЛИ им. В.И. Даля; за указание на этот документ благодарю К.В. Сарычеву).

³⁰ [Письмо И.С. Зильберштейна В.Д. Бонч-Бруевичу], 5 ноября 1934 г. // РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 27. В пятом выпуске «Звеньев» были опубликованы знаменитые «Пушкинологические этюды» на тот момент уже покойного Лернера (см.: Звенья: сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века / под ред. В.Д. Бонч-Бруевича. М.; Л.: Academia, 1935. [Вып.] V. С. 44–187), а в шестом — целая подборка «пушкинских» материалов, в числе которых публикации Боровковой-Майковой, Вересаева, Казанского, Медведевой, Модзалевского, Цявловского, Якубовича и др. (см.: Звенья: сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века / Под ред. В.Д. Бонч-Бруевича. М.; Л.: Academia, 1936. [Вып.] VI. С. 5–312).

В те же годы в издательстве «Academia» к 100-летию со дня гибели Пушкина готовились сразу две объемные книги, покрывавшие значительное количество известных на тот момент архивных источников, — «Пушкин о литературе» (подбор текстов, комментарии и вступ. статья Н.В. Богословского; М.; Л.: Academia, 1934) и «Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты»³¹ (подготовка к печати и комментарии М.А. Цявловского, Л.Б. Модзалевского и Т.Г. Зенгер; М.; Л.: Academia, 1935). Эти сборники были результатом исследовательской работы с корпусом нехудожественных текстов Пушкина, тогда как текстологическая подготовка собственно литературных произведений осуществлялась в рамках работы над шеститомным Полным собранием сочинений под редакцией Цявловского (тт. 1–5 — М.; Л.: Academia, 1936; т. 6 — М.: Гослитиздат, 1938), а также малым — девятитомным — собранием под общей редакцией Ю.Г. Оксмана и М. А. Цявловского (тт. 1–6, 8–9 — М.; Л.: Academia, 1935–1937; т. 7 — М.: Гослитиздат, 1938).

Все это привело к тому, что изначальная установка редакции «Литературного наследства» на публикацию тогда еще рассредоточенных архивных первоисточников с *сопроводительными* исследовательскими выкладками довольно быстро уступила место новому — *эквивалентному* — соотношению публикационной и исследовательской составляющих тома. (Не случайно и то, что впервые опубликованных автографов самого Пушкина в томе сравнительно мало.) Итоговый вариант содержания включал исследовательские статьи (раздел I «Проблемы изучения Пушкина» и раздел II «Разыскания по истории творчества и биографии Пушкина»), подготовленные к печати и сопровождаемые комментариями материалы (раздел III «Из неизданной переписки Пушкина» и раздел IV «Неизданные воспоминания о Пушкине»), краткие тематические сообще-

³¹ В предисловии к тому Цявловский писал о текстах, в него вошедших: «Признание того или иного писания “произведением”, продуктом творчества, достойным в качестве такового включения в собрание сочинений, часто дело весьма условное. Поэтому, если рассмотреть с этой точки зрения состав “полных собраний сочинений” Пушкина, окажется, что одна часть писаний Пушкина входит во все эти “собрания”, другая часть — в одни “собрания” входит, в другие не входит, и, наконец, третья часть писаний ни в одно из “собраний” не входит. Тексты последних двух категорий и явились предметом регистрации и изучения составителями настоящей книги» (Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / изд. подгот. М.А. Цявловский, Л.Б. Модзалевский и Т.Г. Зенгер. М.; Л.: Academia, 1935. С. 9). Масштаб замысленного и осуществленного проекта оказался более чем серьезным: к работе над этой почти 1000-страничной книгой были привлечены, помимо упомянутых на титуле: В.С. Арсеньев, А.А. Ахматова, Н.С. Ашукин, К.П. Богаевская, С.М. Бонди, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, М.Е. Грабарь-Пассек, Б.А. Грифцов, Н.К. Гудзий, А.М. Де-Рибас, Л.И. Жирков, Н.Г. Зенгер, Н.П. Киселев, И.А. Лихачев, Б.В. Миллер, М.Г. Муравьева, Ю.Г. Оксман, П.С. Попов, Н.Н. Столов, Б.В. Томашевский, М.М. Чистякова, Н.П. Чулков и Д.П. Якубович. Отметим также, что почти все из вышеупомянутых ученых были привлечены и к работе над материалами для «пушкинского» тома «Литературного наследства».

ния (раздел V «Сообщения»), библиографические обзоры (раздел VI «Разработка литературного наследия и биография Пушкина после Октября») и подробную хронику (раздел VII «Хроника»). Историю формирования этих разделов отчасти возможно восстановить по материалам, отложившимся в архиве редакции³² (РГАЛИ. Ф. 603). Однако сохранившаяся переписка с авторами в большинстве случаев характеризуется неполнотой и слабой логической соотнесенностью имеющихся в нашем распоряжении фрагментов (например, далеко не на все письма редакции сохранились ответы, а с частью адресатов переписка попросту обрывается). Дело в том, что со многими авторами дальновидный Зильберштейн старался устанавливать личные контакты, часто приглашая их в редакцию для переговоров о грядущих делах. Доподлинно известно, что с частью *нужных* исследователей и распорядителей важных материалов велась частная переписка³³, тогда как через редакцию в основном проходили письма формального характера, предназначенные для фиксации достигнутых договоренностей и деталей сотрудничества³⁴. И все же, несмотря на разрозненность документальных сведений, само непосредственное наполнение «пушкинского» тома «Литературного наследия» проливает свет не только на то, как было организовано производство гуманитарного знания в СССР 1930-х гг., но и на то, как было устроено научное сообщество, а также на формальные и неформальные связи, лежавшие в основе групповых и индивидуальных взаимоотношений интеллектуалов в как бы едином научном поле. Очевидная научная неравноценность материалов, вошедших в этот сборник, также становится важной характеристикой проекта, в рамках которого решалось сразу несколько разнонаправленных задач. Но — обо всем по порядку.

³² Сама московская редакция располагалась в переданном в ведение Жургазобъединения особняке С.И. Елагина 1898 г. постройки по адресу: Страстной бульвар, д. 11. Там же находилась и редакция «Огонька».

³³ Однако переписка с некоторыми ключевыми авторами «пушкинского» тома не сохранилась вовсе. Ясно, например, что Зильберштейн точно отправил В.В. Виноградову письмо с предложением опубликовать статью в «пушкинском» томе; как ясно и то, что Виноградов дал согласие и прислал текст в редакцию до начала следствия по «делу славистов» осенью 1933 г.; см.: [12, с. 462–468; 14, с. 184–185]. По всей видимости, находившиеся у Виноградова письма были изъяты при одном из обысков и не возвращены, тогда как хранившаяся в редакции переписка либо была куда-то предусмотрительно перенесена, либо же вовсе уничтожена или погибла в пожаре. Описанный случай отсутствующей переписки — отнюдь не уникальный.

³⁴ В архивном фонде редакции «Литературного наследия» тем не менее сохранились несколько объемных корпусов переписки с авторами, позволяющих составить представление о порядке взаимодействия с подготовителями материалов. Так, например, переписка с П.Н. Берковым насчитывает 100 листов (см.: РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 19), с Б.Я. Бухштабом — 56 листов (см.: РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 32); с Г.А. Гуковским — 172 листа (см.: РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 67).

Первый этап работы над томом пришелся на конец лета — осень 1932 г., когда Зильберштейн уехал из Москвы в отпуск, доверив ведение всех бюрократических дел по «пушкинскому» сборнику Сергиевскому³⁵ и Макашину. Двумя главными организационными задачами редакции «Литературного наследства» на тот момент были переписка с потенциальными авторами текстов для сборника и выявление неизданных архивных источников, в которых бы содержались новые сведения о биографии и творчестве Пушкина. Ясно, что составители «пушкинского» тома воспринимали его архивную часть как основополагающую. Вместе с тем необходимым условием появления на страницах «Литературного наследства» новых документальных сведений была их «научная обработка». Поэтому редакция, до которой разными путями доходило множество слухов, внимательно следила за научной жизнью и пыталась всячески реагировать на выгодные для нее исследовательские начинания, немедленно вступая с ученым в деловую переписку и предлагая сотрудничество. Зильберштейн, как бы следуя вышеприведенным словам Томашевского, делал ставку на почти не изученную область пушкиноведения — довольно узко понятый литературный контекст творчества Пушкина и его окружение, что и определило стратегию подготовки сборника. Фигура поэта, будучи формальным центром сборника, на том этапе не была центром содержательным: фокус с «главного героя» был заметно смещен на первоочередных «персонажей» в пушкинской биографии.

Из этой перспективы очерчивался приблизительный круг участников проекта. Судя по материалам редакции, первые письма потенциальным авторам и подготовителям «пушкинских» материалов относятся к 14 сентября 1932 г.: предложение написать текст для тома тогда получили, например, В.В. Баранов³⁶ и Н.Ф. Бельчиков³⁷; позд-

³⁵ В воспоминаниях Богаевской содержится примечательный фрагмент, многое объясняющий в до сих пор не проясненной институциональной динамике «Литературного наследства» в начале 1930-х: «Вначале в “Лит. наследство” я имела дело непосредственно с <...> Сергиевским. Мне нравилась его скромность, способность легко краснеть и немного заикаться. Как мне казалось — такой милый, деревенский паренек. <...> Через несколько лет я его встретила на заседании Пушкинской комиссии Союза писателей. Он тогда работал в ЦК. И я с изумлением увидела, во что превратился славный, скромный паренек, о котором я вздыхала! На стуле сидел, важно развалился и расставив ноги, толстый, я бы сказала, зав. магазином, роскошно одетый, и с самодовольным видом поглядывал кругом. У него даже сделались маленькие, китайские, заплывшие жиром глазки...» (Богаевская К.П. Из воспоминаний // Новое литературное обозрение. 1998. № 1 (29). С. 135).

³⁶ См.: [Письмо В.В. Баранову от редакции «Литературного наследства» с просьбой о сотрудничестве], 14 сентября 1932 г. // РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1.

³⁷ [Письмо Н.Ф. Бельчикову от редакции «Литературного наследства» с предложением о сотрудничестве], 14 сентября 1932 г. // РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 2. Повторное письмо Сергиевский направил 23 сентября (см.: РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 3).

нее, в самом конце сентября, такие же письма получили С.М. Бонди³⁸ и Ю.Н. Верховский³⁹; в начале октября — М.К. Азадовский⁴⁰. Примерно тогда же к работе были привлечены и другие представители ленинградского филологического истеблишмента (в их числе — сотрудники Пушкинского Дома), а также московские (включая перебравшихся в Москву) филологи-пушкинисты. Тщательно подобранный авторский состав условно делился на две группы: к первой принадлежали те, кто отвечал за детальное описание литературного контекста второй половины XVIII — первой трети XIX в., ко второй — те, чья область научных интересов лежала в границах пушкинской писательской практики. В этом отношении примечательно, что сохранившаяся переписка почти целиком посвящена вопросам работы первой группы авторов. Так, например, Азадовского просили сделать подборку новых материалов про Н.М. Языкова⁴¹, обнаруженных в ходе работы над «Полным собранием стихотворений» для издательства «Academia»⁴²; Баранова — обзор неопубликованных материалов А.И. Полежаева⁴³; Бельчикова — каталог центрархив-

³⁸ [Письмо С.М. Бонди от редакции «Литературного наследства» с предложением о сотрудничестве], без даты // РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 1.

³⁹ [Письмо Ю.Н. Верховскому от редакции «Литературного наследства» с предложением о сотрудничестве], без даты // РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 1.

⁴⁰ [Письмо М.К. Азадовскому от редакции «Литературного наследства» с предложением о сотрудничестве], 3 октября 1932 г. // РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 4.

⁴¹ 16 января 1933 г. Азадовского просили прояснить вопрос с подготовкой заказанных ему материалов и прислать обзор литературного наследия Языкова (см.: РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 10). 27 января Азадовский отправил в редакцию «Литературного наследства» письмо с жалобой на отсутствие бумаги: «<...> я сейчас сам сию почти буквально без листочка» (Там же. Л. 11); тем не менее ученый пообещал сдать заказанный ему обзор во второй половине февраля (см.: Там же. Л. 11 об.). Работа над текстом шла медленно из-за возникших бюрократических проволочек по издательской части. Дело в том, что «Academia» перезаключила договор с Печатным Двором, в результате чего сроки публикации подготовленного тома серьезно сдвинулись (см.: Там же. Л. 15). В итоге лишь 5 ноября 1934 г. — уже после выхода в свет «пушкинского» тома — Азадовскому прислали верстки двух материалов для того, чтобы он ответил на корректурские вопросы (см.: Там же. Л. 17). В ответном письме Азадовский предъявил много претензий к неаккуратной верстке (см.: Там же. Л. 19–19 об.), но публикацию с учетом внесенных исправлений одобрил. Большой обзор «Судьба литературного наследства Н.М. Языкова» появился в сборнике «Литературное наследство» (тт. 19–21. С. 341–370) в 1935 г. Подробнее об этом см.: [1, кн. 2, с. 87–105].

⁴² См.: *Языков Н.М.* Полн. собр. стихотворений / ред., вступ. ст. и коммент. М.К. Азадовского. М.; Л.: Academia, 1934.

⁴³ Баранов пообещал сдать обзор к 10 января 1933 г., но не сумел подготовить его к означенной дате. 16 января Сергиевский написал с просьбой срочно сдать текст, дипломатично добавив: «Кстати сообщая, что мы дополнительно выписали Вам 300 р., которые Вы сможете получить немедленно по сдаче рукописи» (РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 2). В середине 20-х чисел января Баранов посетил редакцию и пообещал сдать обзор через несколько дней. 31 января Сергиевский написал разъяренное письмо, в котором просил немедленно представить рукопись и обязательно прийти или хотя бы позвонить в редакцию (см.: Там же. Л. 3). Однако Баранов ничего не прислал, хотя обещал закончить работу к 8 февраля. 10 и 16 февраля Сергиевский повторно обратился к Баранову (см.: Там же. Л. 4–5) и вскоре получил долгожданный текст. Обзор «Судьба литературного наследства А.И. Полежаева» в итоге был напечатан в 15 томе «Литературного наследства» (с. 221–257).

ских автографов Пушкина и избранные письма А.А. Дельвига⁴⁴; Верховского — публикацию неизданной главы из «Бала» (1825) Е.А. Боратынского⁴⁵; Гуковского — целый раздел по авторам второй половины XVIII в.⁴⁶

В 1932–1933 гг. во взглядах Зильберштейна и Сергиевского, по всей видимости, преобладала идея предельно широкой контекстуализации пушкинского творчества. Стремление преодолеть ложную дихотомию «классического» и «романтического», не только указав на их смежность, но выявив вероятные области их взаимоперетекания, стало, как представляется, решающим в вопросе о включении объемного историко-литературного материала, об-

⁴⁴ 5 октября 1932 г. Сергиевский обратился к Бельникову с просьбой поскорее завершить работу над каталогом центральархивских автографов Пушкина (см.: РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 4). Через полтора месяца, 19 ноября, Сергиевский также прислал переснятые автографы Дельвига и попросил подготовить для журнала еще пять писем (см.: Там же. Л. 5). 26 января 1933 г. Бельникова оповестили о необходимости срочно прислать материалы (ни одного обещанного материала у редакции еще не было), что тот и сделал 8 февраля (см.: Там же. Л. 6–7). Вскоре договоренность с Центральархивом была установлена — можно было приступать к описанию автографов Пушкина (см.: Там же. Л. 8).

⁴⁵ 3 октября 1932 г. Сергиевский написал Верховскому с просьбой подготовить неизданную главу из «Бала» Боратынского (см.: РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 2). Однако при подготовке текста возникли непредвиденные сложности, связанные с получением прав на публикацию. В письме от 5 декабря упомянуты и другие материалы: «Нам известно, что Вами подготовлен<ы> к печати не публиковавшиеся до сих пор собственноручные пометки Пушкина на тетради стихов Дельвига. Если уж с Боратынским получаются такие осложнения, то м. б. Вы дали бы для нашего пушкинского номера эту Вашу работу?» (Там же. Л. 3). Верховский не ответил на это письмо, поэтому 13 декабря Сергиевский настоятельно попросил дать ответ (см.: Там же. Л. 4). 9 января 1933 г. редакция направила Верховскому последнее письмо — ответа на него не последовало; сотрудничество было прервано.

⁴⁶ Гуковский осторожно обратился к Зильберштейну с предложением опубликовать обнаруженные им архивные материалы еще 23 сентября 1931 г. Однако ученый заметил, что «если пушкинская эпоха, изучению которой я отдаю большую часть моего времени за последние два года, еще сколько-ниб<удь> интересует широкого читателя, то времена более отдаленные для него вовсе не существуют. Впрочем, и относительно первой трети XIX столетия можно сказать, что главн<ым> образом Пушкин знаком и интересен читателю. Остальные писатели эпохи чаще всего разделяют участь поэтов XVIII века. Все это мне хорошо ведомо, тем не менее я хотел бы узнать от Вас, как смотрите Вы на возможность публикации таких материалов, как напр. некоторые документы и произведения современников Пушкина или же писателей XVIII столетия» (РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 1). 28 сентября Зильберштейн ответил Гуковскому и попросил его скорее приступить к работе, а также предложил напечатать во втором номере «острый развернутый обзор всех тех изданий по истории литературы XVIII и начала XIX века, который вышли за последние 2–3 года» (Там же. Л. 3). Задержка с предпечатной подготовкой обзора сдвигала сроки его публикации. 8 апреля 1932 г. Зильберштейн заверил Гуковского: «<...> в 5-ю книжку нашего журнала мы, безусловно, даем ваш обзор и подборку материалов по XVIII веку. Поэтому убедительно прошу Вас посвятить оставшиеся недели апреля месяцу нашему журналу» (Там же. Л. 23). В итоге работа по сокращению и уточнению обзора и подготовке других материалов продлилась до самого конца 1932 г., что подвигло редакцию предложить Гуковскому опубликовать ряд текстов в «пушкинском» томе; ср. в письме Зильберштейна от 4 января 1933 г.: «Иван Васильевич <Сергиевский> Вам уже писал, очевидно, о том, что без сомнения мы дадим в Пушкинский № Вашу работу о солдатских стихах. Довершите также свою работу для этого номера давно нам обещанную — о противояцарских стихах конца XVIII века и т. д.» (Там же. Л. 63). Однако вскоре планы редакции переменялись, и было принято решение готовить отдельный выпуск, посвященный XVIII в.

рамляющего исследование пушкинской писательской работы. Еще в 1922 г. М.Л. Гофман, намечая перспективные пути в изучении пушкинского творчества, писал:

Пушкин внимательно читал, вчитывался в произведения поэтов XVIII века и дал им такие меткие и сжатые характеристики, которые современному историку литературы остается только расширять и распространять. Ничто в русской поэзии XVIII века не осталось ему чуждо, все так или иначе было впитано, претворено и преображено им, из всего он вынес поэтически-поучительные уроки, примененные им в его творчестве. Все это давно известно, и о связи Пушкина с поэтами классической школы, с классической традицией, не раз говорилось, но говорилось, высказывалось только в виде положения, в качестве утверждаемого, но не защищаемого тезиса: в чем именно сказывается эта связь — остается до сих пор неясным. Вопрос поставлен, но не решен⁴⁷.

Помня об этих доводах Гофмана, Сергиевский в самом начале февраля писал Гуковскому:

<...> в Ленинграде нашлись люди, которые считают, кажется, раздел по 18 веку в пушкинском сборнике вообще лишним: дескать свежий и ценный материал по Пушкину тонет в массе архаических мелочей. Вы понимаете конечно что мы должны по-настоящему утереть нос (извините мой штиль) всем этим болтунам, не видящим ничего дальше той эпохи, над которой они сами работают и самый лучший ответ который мы можем дать — сделать раздел по 18 веку таким, чтобы он вышел действительно первосортным с точки зрения заключенных в него материалов и блестящим с точки зрения подачи этих материалов⁴⁸.

(Сергиевский написал это еще до сдачи в набор сдвоенного тома «XVIII век», существенную часть которого составляют материалы, изначально предназначавшиеся именно для «пушкинского» сборника, и, следовательно, до появления скандально известной статьи Гуковского «За изучение XVIII века», чем объясняется нарочитая декларативность этого фрагмента.)

⁴⁷ Гофман М.Л. Пушкин: Первая глава науки о Пушкине. Пб.: Атеней, 1922. С. 24–25.

⁴⁸ [Письмо И.В. Сергиевского Г.А. Гуковскому], 3 февраля 1933 г. // РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 78.

По мере подготовки текстов общий план тома неизбежно менялся. Менялась и приоритетность публикуемых материалов: большинство «фоновых» публикаций в итоге подверглись существенным сокращениям или вовсе были исключены из тома. В этом отношении примечателен случай с редактурой статьи Гуковского, вызвавшей бурное возмущение ученого:

Сегодня получил от Вас корректуру своей статьи о солдатских стихах и прочел ее. Она глубоко возмутила меня. В свое время, когда я послал Вам эту статью, я запросил у Вас (через И.В. Сергиевского) официальных гарантий, что ни одна строка в ней не будет сокращена без моего ведома и согласия. И.В. Сергиевский прислал мне письмо, в котором от имени редакции мне были даны такие гарантии.

Потом редакция потребовала от меня сокращения статьи. Я предложил довести ее до 2 ½ печ. листов (раньше она заключала около 4 печ. листов). Я получил извещение, что редакция согласна на такой объем. Я перевыполнил свое предложение и довел статью до 2 ⅓ печ. листов (с примечаниями — 2 ⅓).

И вот теперь я вижу, что кто-то вырезал у меня в статье кусок, небольшой, но весьма существенный, по-моему, самый лучший и наиболее важный в статье. Я не говорю уже о том, что такое сокращение, портящее статью, безграмотно; я не говорю уже о том, что оно возмутительно именно по отношению ко мне <...>; но оно самым решительным образом нарушает те гарантии, которые были мне даны. Все это тем боле нелепо, что сокращение, портящее статью, экономит не более двух-трех страниц журнала. Я нахожу всю эту историю совершенно недопустимой и категорически требую немедленного восстановления выброшенного места в статье.

Откровенно скажу Вам, дорогой Илья Самойлович, что не ожидал от Вас такой штуки по отношению ко мне. <...> Вы имели достаточно случаев убедиться в моей покладистости. Но делать сокращения тайком от меня, и совершенно неправильные сокращения притом, — более чем странно. Я полагаю, что я в этом вопросе и достаточно объективен и достаточно авторитетен.

Итак, вот мое решительное мнение: я вставляю вновь в статью выброшенное место, и оно будет набрано и включено в текст. Я жду от Вас немедленного и совершенно четкого подтверждения того, что мое требование будет исполнено. Получив такой ответ, который бы дал мне настоящие гарантии исполнения его, я пошлю Вам корректуру со вставкой.

В самом деле, этак невозможно работать, когда получаются такие сюрпризы. Я убежден, что во всей этой истории больше недо-разумения, чем легкомыслия. Иначе я бы мог обидеться; работаешь на Вас черт знает как, тратишь уйму времени, энергии, внимания, нервов, и вдруг нате, испортили начисто мою же статью!

Ответьте как можно более спешно. Я не успокоюсь, пока не получу ответа. <...>

Только что обнаружил, что и в других местах статьи она безобразно искажена. Местами текст совершенно обесмыслен. Основное стихотворение дано в тексте даже без названия. В таком виде статья никуда не годится. Не может быть и речи о печатании ее без исправления⁴⁹.

Именно тогда шла работа по первичному переформатированию содержательной части «пушкинского» тома. Редакция понимала, что заявленная тематика требует известного соотношения собственно пушкиноведческой и контекстной частей, поэтому ни один из упомянутых выше материалов не был включен в итоговый вариант содержания.

Вместе с тем избранные Зильберштейном и поддержанные его коллегами методы взаимодействия с авторами оказались весьма результативными. Так, в письме к Д.П. и Н.Г. Якубовичам от 22 июня 1933 г. Б.В. Томашевский делился подробностями сверхурочной работы над заказанными ему текстами для «пушкинского» тома с перспективой на продолжение этих занятий и в период летнего отпуска в Доме отдыха Ленинградского Горкома писателей, располагавшемся в Коктебеле:

Сейчас у меня экзаменационная сессия, и потому гуманитарий я почти не занят, если не считать домашней поделщины на Илюшку Зильберштейна, коего молитвами мне удастся ехать в Крым. *Но эксплуататор он аховый*. Сижу и строчу. Не знаю, что мне будет за мое многострадание⁵⁰.

И позднее, 7 июля, уже из Коктебеля Томашевский, определившийся с ближайшими рабочими планами, писал о материалах, которые он должен сдать в «Литературное наследство»:

⁴⁹ [Письмо Г.А. Гуковского И.С. Зильберштейну], 15 апреля 1933 г. // РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 112–113, 115.

⁵⁰ См.: РО ИРЛИ. Ф. 800. № 165. Л. 5; цит. по: [11, с. 275–276; курсив мой. — Д.Ц.].

В этот журнал я даю: обзор, Капнист<овскую> тетр<адь>, X главу, заметку о портретах Пушк<ина>, «Из рукописей Пушк<ина>» (пробег по черновикам) и сейчас пишу об источниках трех рисунков (виньетки к ф<ранцузским> романам)⁵¹.

Параллельно редакция осуществляла архивный поиск и по возможности вступала в переговоры о предоставлении всевозможных материалов для их предпечатной подготовки с владельцами подлинных документов не только в СССР⁵², но и за его пределами (на заграничный агентурный ресурс, которым обладало «Литературное наследство», указал Зильберштейн в письме к Бонч-Бруевичу от 22 ноября 1932 г.: «Посылаю Вам машинописную копию заметки об автографах писем Пушкина к невесте. Как я Вам говорил, я дал уже в Париже задание разыскать эмигранта, у которого находятся эти письма»⁵³). Об этом же, в частности, свидетельствует письмо

⁵¹ См.: РО ИРЛИ. Ф. 800. № 165. Л. 8; цит. по: [11, с. 281]. По точному наблюдению публикатора процитированных писем, все перечисленные Томашевским материалы были сданы вовремя и напечатаны в «пушкинском» томе (см.: Литературное наследство: [А.С. Пушкин]. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. Т. 16–18): обзор — «Издания стихотворных текстов» (с. 1055–1112); *Капнистовская тетрадь* — «Новые материалы по истории первого собрания стихотворений Пушкина (1826 г.)» (с. 825–868); *X глава* — «Десятая глава “Евгения Онегина”: История разгадки» (с. 379–420); *заметка о портретах Пушкина* — «Иконография Пушкина до портретов Кипренского и Тропинина» (с. 961–968) — опубли. под псевдонимом Б. Борский; «*Из рукописей Пушкина*» (*пробег по черновикам*) — «Из пушкинских рукописей» (с. 273–320); *об источниках трех рисунков (виньетки к французским романам)* — «Пушкин и романы французских романтиков: (К рисункам Пушкина)» (с. 947–960).

⁵² Именно с просьбой предоставить в редакцию перечень писательских автографов Сергиевский обратился к ученому хранителю Рукописного отдела Библиотеки Академии наук и сотруднику Музея книги, документа и письма С.А. Аннинскому (см.: РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 7). Примерно такой же характер имеет переписка с М.С. Боровковой-Майковой. Сергиевский просил ее подготовить материал «Мицкевич в письмах Вяземского» (см.: РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 1). В переписке с Боровковой-Майковой отразилось нарастание конкурентных настроений во взаимоотношениях «Литературного наследства» и «Звеньев». 4 сентября 1932 г. Боровкова получила письмо с требованием не публиковать статью «Новые материалы о Пушкине» в третьем выпуске «Звеньев» и другие материалы, в которых заинтересована редакция «Литературного наследства» (см.: Там же. Л. 3 об.). (Позднее этот конфликт разрешился: 5 сентября 1933 г. Бонч-Бруевич написал Зильберштейну: «Прилагаю при сем подлинную доверенность присланную мне в “Звенья” еще в марте 1933 г. от М. Боровковой-Майковой, прошу Вас переслать мне ее статьи: 1) Три новые даты к «Трудам и дням Пушкина» и 2) Заметку о Пушкине из писем Вяземского» (РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 21). На страницах «Литературного наследства» не появилось ни одного материала Боровковой.) Однако главной темой переписки был вопрос о получении копий пушкинских автографов для публикации в готовящемся сборнике; описание этих автографов см. в письме Боровковой от 27 октября 1932 г. (РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 7 об. – 8). Подробнее о взаимоотношениях Боровковой-Майковой с Зильберштейном и Бонч-Бруевичем см.: [10].

⁵³ [Письмо И.С. Зильберштейна В.Д. Бонч-Бруевичу], 22 ноября 1932 г. // РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 7 (курсив мой. — Д.Ц). Кроме того, во время подготовки «пушкинского» тома у чиновника югославского Министрства иностранных дел из Белграда обнаружилась считавшаяся утерянной «белградская рукопись» (очень скоро о находке стало известно и в эмигрантских кругах, о чем свидетельствует хотя бы статья В.Ф. Ходасевича, опубликованная в «Возрождении» 14 декабря 1933 года в рубрике «Книги и люди»); см.: Тетрадь Всеволожского / публ. Б. Томашевского; коммент. Б. Томашевского

(на бланке) Макашина Зильберштейну от 9 октября 1932 г. В этом письме Макашин сообщает о результатах деловой поездки в Ленинград; писал он и о договоренностях, которых удалось достичь в деле подготовки «пушкинского» тома:

Я окончательно договорился с <В.П.> Волгиным и <Н.К.> Пиксановым о формах нашего взаимного сотрудничества с ИРЛИ. Отныне ИРЛИ будет предоставлять нам *решиительно все материалы* как для журнала, так и для библиотеки, при условии, что мы будем оплачивать их помимо авторского гонорара (на основе персональной договоренности с комментатором) из расчета 100 р. за один авторский лист. <...> В случае особо ценных и больших публикаций ИРЛИ охотно идет навстречу взаимного издания этих документов. Весь вопрос сейчас заключается в том, чтобы официально оформить это соглашение и выдать аванс хотя бы в размере 500 руб. Нужно это сделать сейчас, потому что Пиксанов, по моему впечатлению, одновременно с нами ведет переговоры с Академией. Пока что он верит больше в наши издательские возможности, и отсюда такое благорасположение к нам. Для конкретного осуществления этого нашего соглашения я предварительно договорился сейчас о следующих материалах, которые до получения от нас официального письма забронированы за нами.

а) Пушкинская книга. Все материалы, которые имеются по Пушкину, его окружению, в ИРЛИ предоставляются нам. Я виделся со всеми пушкинистами и просил <Д.П.> Якубовича максимально использовать предоставленную сейчас возможность научной эксплуатации этих материалов и расширить круг возможных тем. Пока что из новых материалов для этой книги (помимо тех, о которых вы уже знаете) я договорился о следующем: в коллективный обзор пушкинских публикаций войдет еще один автор — <Л.Б.> Модзалевский, который даст отдельно обзор эпистолярного наследия; <И.Н.> Медведева даст два замечательных письма Баратынского к Вяземскому и одно письмо Измайлова к Яковлеву о Пушкине. К этому письму есть изумительная иллюстрация, в альбоме Измайлова; <Б.В.> Томашевский дает публикацию источниковедческого характера «Веселый пир». Аналогичную публикацию об «Анчаре» даст Якубович. Кроме того, у Томашевского есть любопытнейшие недавно найденные материалы о рисунках Пушкина, а именно:

и М. Цявловского // Летописи Гос. лит. музея. М.: Журнально-газетное объединение, 1936. Кн. 1. С. 3–79. Подробнее об истории приобретения тетради Пушкина, проигранной Н.В. Всеволожскому, см.: [15, с. 301–304].

он нашел источники откуда Пушкин срисовывал свои портреты. Материал этот абсолютно никому неизвестен, но публикация его, я убежден, «посрамила» бы <А.М.> Эфроса. Поэтому окончательно с Томашевским я не договорился. <С.А.> Переселенков предлагает новые цензурные дела о Пушкине. Я просил его выслать их нам, оговорив, что мы передадим их в «Звенья», если они не подойдут нам. Наконец, я просил Модзалевского составить список всех <лист поврежден. — прим. публ.> пушкинианы. По рассмотрении их можно будет получить <лист поврежден — прим. публ.> быстро и мне кажется, что в такого рода книге, как наша, специально посвященная Пушкину, можно было бы такой отдел мелких публикаций сделать вполне интересным и уместным. Список иллюстраций к пушкинским публикациям по Ленинграду мною отобран у авторов и часть материалов заказана. Будут интересные вещи. Помимо ИРЛИ для пушкинской книги можно бы было использовать и лермонтовские материалы. А именно: два письма Лермонтова (находятся у подлеца <А.К.> Виноградова), и интереснейшие воспоминания Арнольди, полкового товарища Лермонтова, посвященные главным образом преддуэльной истории и самой дуэли Лермонтова, а также Пушкину и Смирновой. Мемуары эти довольно обширные, но из них легко было бы сделать выборку тех мест, которые нас интересуют. При скудости материалов о Лермонтове такая публикация была бы событием. Наконец <Б.М.> Эйхенбаум соглашается дать текстологический обзор по Лермонтову, над которым он сейчас работает (варианты, разночтения, новые тексты и т. п.) (цит. по: [4, с. 7–8])⁵⁴.

При этом особое внимание уделялось иллюстративным материалам, которые должны были обильно сопровождать все без исключения публикации. Зильберштейн, будучи достаточно хорошо знаком с доступными на тот момент архивными собраниями и как

⁵⁴ Однако достижение определенных договоренностей не стало поводом к нормализации отношений коллектива редакции «Литературного наследства» с Пушкинским Домом. Главной мишенью Сергиевского стал Пиксанов, критику работ которого встречаем, например, в упомянутой рецензии на два первых выпуска «Звеньев»; ср.: «<...> особенно безотрадное впечатление производит имеющая все претензии на академическую монументальность работа Н.К. Пиксанова о дворянской реакции на декабризм. Автор, в стремлении как-то социологически интерпретировать этот большой фактический материал, проявляет полнейшую теоретическую неподготовленность и беспомощность» (*Сергиевский И.* Сборники «Звенья» // Литературный критик. 1933. № 1. С. 151). Сергиевский продолжил громить «чрезвычайно аккуратного» «вскормленника старой университетской историографии» Пиксанова и в следующей рецензии «С высот академического объективизма», посвященной вышеупомянутому сборнику «О классиках»: «За всеми <...> положительнейшими качествами у него, однако, довольно явственно выступает его подлинное, гораздо менее приглядное нутро: какая-то сверх-академическая дряхлость мысли, перерастающая в полную теоретическую бесхребетность» (*Сергиевский И.* С высот академического объективизма // Литературный критик. 1933. № 2. С. 184).

бы приценяясь, составлял небольшие перечни интересных для копирования и публикации автографов, бумаг, книжных обложек, страниц и разворотов, рисунков, гравюр, литографий и разнообразных картин⁵⁵.

В рабочих бумагах Зильберштейна сохранился обширный план (предположительно, подготовленный в январе 1933 г. и, по всей видимости, адресованный С.А. Макашину) работы над первоначальным вариантом содержания «пушкинского» тома, отразивший те направления редакционной деятельности, которые наметились в ходе взаимодействия с ленинградскими учеными — потенциальными авторами готовившегося сборника (коммуникация с московскими авторами почти всегда осуществлялась посредством личных переговоров в редакции). Кроме того, план этот учитывал почти все материалы, о которых писал Макашин в вышеприведенном фрагменте письма, и содержал указания, исполнение которых составляло суть следующего этапа работы над томом. По этому документу можно судить о том, каким в итоге должен был предстать первоначальный замысел книги.

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ДЕЛА ПО ПУШКИНСКОЙ КНИЖКЕ

1) <Г.А.> Гуковский. 3 работы: «Солдатские стихи 18 века», «Подпольная поэзия 18 века» и Обзор. Иллюстративный материал ко всем этим работам. В частности подумать о том, что можно было бы дать многоцветкой. До сих пор Гуковским не возвращены две работы, посланные ему на редактуру: «Пугачевская быль» <С.Ф.> Елеонского и «Анекдоты об Иоанне Грозном» <А.Д.> Седельникова. Пойдут или не пойдут эти работы, пусть он их вернет.

2) <Я.Л.> Барсков. Две работы: переписка Екатерины II с Потеминым. Окончательно решить, возьмем ли мы эту вещь, и как следует продумать с ним, проинструктировать его методах подачи ее. Его же обзор литературного наследия Новикова. <С.А.> Рейсер писал, что он согласился сделать этот обзор. Но <...> окончательно ответа все еще нет. Привести вопрос в ясность. Иллюстративный материал к обеим работам.

3) <И.М.> Троцкий. Может быть, все ж таки он даст что-нибудь из эпистолярного наследия Радищева. Нужно также привести в яс-

⁵⁵ См.: [Список иллюстраций для «пушкинского» тома «Литературного наследства» с расчетом стоимости изготовления копий], без даты // РГАЛИ. Ф. 3290. Оп. 2. Ед. хр. 214. Л. 16. Так, например, в одной лишь 40-страничной статье Оксмана о десятой главе «Евгения Онегина» насчитывается 7 иллюстраций, воспроизводящих вид рукописных страниц пушкинского текста.

ность вопрос о том, даст ли что-нибудь для декабристской подборки. Против печатания статьи Фон-Визина он возражает, а присланная им в виде компенсации статья Пестеля — чепуха.

4) Археографическая комиссия Академии Наук. Может быть, в ее делах можно будет найти какой-нибудь любопытный материал по 18 веку.

5) <П.Н.> Берков. Работа над каким-то забытым поэтом 18 века. Писано ему о том, не может ли он нам дать что-нибудь об этом забытом поэте. Впрочем, сильно сомневаюсь, чтобы материал оказался интересным.

6) <А.Я.> Кучеров. Публикация по литературному наследию Болотова. Иллюстративный материал к ней. Один портрет Болотова (из Исторического Музея — масло) у нас есть.

7) <Н.К.> Козьмин. Пушкин и английское рабочее движение. Считаю, что работу эту можно будет печатать только в том случае, если он согласится внести все указанные в моем отзыве исправления и если он сможет это сделать. Иначе мы с этой работой влипнем. Если исход дела будет благополучным — подумать об иллюстративном материале, хотя по-моему интересного здесь ничего не наскребешь.

8) <Ю.Г.> Оксман. Вот перечень всех его обязательств перед нами:

1) Пушкин в работе над историей Пугачева, 2 фото, заказанных для него в Ленинской библиотеке, высылаются

2) Письмо к Смирдину

3) Корреспонденты Пушкина

4) Из истории «Современника»

5) К цензурной истории Ан<н>енковского издания

6) Воспоминания Катенина

7) Неизданные стихотворения Раевского

8) Неизданная публицистика Раевского

9) Рылеевский обзор

10) Обзор критико-публицистических текстов Пушкина

9) В ИРЛИ заказаны (должны быть заказаны) Рейсером два фото к статье Попова о работе Пушкина над историей Петра

10) <Ю.Н.> Тынянов. Пушкин и Кюхельбекер. Неизданные стихотворения Кюхельбекера. Получить самые публикации и договориться об иллюстративном материале к ним. Отсюда мы послали ему новые материалы (из Областного архивного бюро) о поимке Кюхельбекера и письма Кюхельбекера к Соболевскому из архива Соболевского. Может быть, все же как-нибудь можно будет использовать эти материалы, к нему же какое-то — какое именно не пом-

ню — бальзаковское дело. Высылаем ему Кюхельбекеровский «Зоровавель». Я считаю этот материал не настолько интересным, чтобы его печатать, что скажет он? Проинформировать его вообще о Кюхельбекеровских материалах, купленных Историческим музеем: автограф одной из тетрадей дневника, автограф одной критической статьи (напечатанной) и не публиковавшееся рассуждение об «Отче наш». *О Бальзаке*

11) <Б.В.> Казанский. Черновик письма Пушкина к Геккерену. Сугубое внимание обратить на факсимиле автографа, которое он думает дать к этой публикации. Обзор биографических работ о Пушкине.

12) <Л.Б.> Модзалевский. Обзор эпистолярного наследия Пушкина. В последнем письме он пишет, что сидит над ним вплотную, в зависимость от получения дополнительного аванса не ставит и сдаст рукопись не позднее первых чисел марта. Нужны ли какие-нибудь дополнительные фотографии к его обзору библиотеки Пушкина. Кроме того, у него есть два или три каких-то письма к Пушкину. Посмотреть, что это за письма. Если стоящие (sic!), может быть, включим их в «Корреспондентов».

13) Иллюстративный материал к работе <Т.Г.> Зенгер: 1) рукопись «Путешествия в Арзрум» под названием «Военная грузинская дорога». Тот лист, где карандашный вариант «и пример лучшего будет действительнее» (воспроизведено в «Историческом Вестнике» 1899 г. № 5, стр. 50); 2) рукопись стихотворения Пушкина «Друзьям» с пометкой Николая I о том, что можно распространять, но нельзя печатать 3) Конверт Николая I — Александре Осиповне Россет 4) Рецензия чиновника III Отделения на «Бориса Годунова» (последнее впрочем не в ИРЛМ, а очевидно в Ленингр. Центrarхиве?)

14) <В.Б.> Врасская. Иллюстративный материал к публикации о Пушкине в переписке родственников. 2 присланных ею языковых текста очевидно печатать не будем.

15) Может быть, в ИРЛИ можно будет подобрать какой-нибудь любопытный иконографический материал к публикации Цявловского о Пушкине по документам Погодинского архива. Имею я в виду портреты корреспондентов Погодина, в частности Титов, Мельгунов. В ИРЛИ же портрет Веневитинова работы Тер<е>бенева.

16) В Ленингр. Центrarхиве — переписка Вяземского с женой — для <В.С.> Нечаевой, там материалы, над которыми работала <М.С.> Боровкова. Кроме того, нет ли там писем к Вяземскому следующих лиц: Алексея (правильно: Александра. — Д.Ц.) и Константина Булгаковых, В.<Ф.> Гагарина, И.Н. Римского Корсакова,

Н.В. Сушкова, Вельмана, Полторацкого, Грамматина, Новиковой, Чаадаева. Эти материалы — для <А.А.> Сабурова.

[17) Неизданные письма Боратынского в Публичной Библиотеке, перечень которых был послан Рейсеру с указанием об их копировке.]

18) В ИРЛИ письма Чижова к Языкову. Раз мы теперь купили письма Языкова к Чижову, то нужно и ответные письма обязательно скопировать.

19) <М.К.> Азадовский. Переписка Языкова не то с Комовским, не то с Киреевскими. Так и не имеем точных сведений о том, переписку с кем же именно он готовит. Его же обзор литературного наследия Языкова. Иллюстративный материал по Языкову.

20) Ничего не пишу о Грибоедовских делах, так как Грибоедовскую подборку делаете по существу говоря Вы.

21) <Б.В.> Томашевский. Обзор стиховых текстов Пушкина. С этим же нужно очевидно начинать разговор о поэтической подборке по Пушкину, хотя я и смотрю на это дело пессимистично. Не укажет ли он каких-нибудь любопытных для воспроизведения автографов Пушкина, вроде «Веселого пира», который он сначала хотел дать, потом признал неинтересным и обещал как-нибудь компенсировать.

22) <Д.П.> Якубович. Обзор прозаических текстов Пушкина. «Анчар» и «Пушкин в библиотеке Вольтера».

23) <В.Н.> Орлов. Обзор литературного наследия Дениса Давыдова, в частности иллюстративный материал к этому обзору. Может быть, удастся все-таки мобилизовать его на написание (в течение вашего пребывания в Ленинграде) публикации по Попугаеву.

24) Иллюстративный (а может быть, и документально-текстовой) дополнительно к тому, что прислал Рейсер) материал к обзору <Н.Г.> Машковцева об Александре Иванове.

25) Для хроники. Может быть, <А.Г.> Островский сделал бы информационную заметку о «Библиотеке поэта».

26) Забыл еще одно дело к Оксману. Все-таки лучше всего посоветоваться с ним относительно того, как можно было бы представить в хронике декабризм.

27) Добиться, чтобы <Б.М.> Эйхенбаум в течение Вашего пребывания в Ленинграде доработал свою статью о Лермонтове.

28) В ИРЛИ портрет Пушкина, купленный в 1919 г. <Б.Л.> Модзалевским у Бориса Садовского.

29) Для меня: скопировать приписку <И.В.> Киреевского к неизданному мюнхенскому письму <В.М.> Рожалина.

30) Замечания общего характера. Не следует, по-моему, чтобы вы весь полученный вами статейный материал держали при себе

до вашего возвращения в Москв<у>. Лучше по мере его получения посылать его мне, чтобы я мог готовить здесь его к набору.

31) Стиховые подборки по <нрзб.>. У нас есть мат<ериалы> к Борат<ынскому> и Языкову.

32) <нрзб.> — о снимках и копиях <нрзб.> с ним⁵⁶.

Как видим, синхронная работа над обеими — исследовательско-пушкиноведческой и архивно-публикационной — частями тома развернулась в конце 1932 – 1933 г.; к обработке всевозможных материалов и написанию статей и обзоров были привлечены едва ли не все главные специалисты по литературе и искусству пушкинского времени и, в более широкой перспективе, по культуре «срединного» XIX в., а также ведущие исследователи-архивисты и библиографы; среди тех, чьи работы попали в «пушкинский» том: В.М. Базилевич, М.Д. Беляев, Д.И. Бернштейн, С.В. Бессонов, Д.Д. Благой, С.М. Бонди, В.В. Виноградов, И.А. Виноградов, В.Б. Врасская, Л.П. Гроссман, Т.Г. Зенгер, Б.В. Казанский, Н.К. Козмин, В.Л. Комарович, Н.Ф. Лавров, Р.Ф. Майер, Л.Б. Модзалевский (также под псевдонимом Л. Гарский), В.С. Нечаева, Ю.Г. Оксман, О.И. Попова, П.С. Попов, И.Н. Розанов, М.К. Светлова, Д.П. Святополк-Мирский, Б.В. Томашевский (также под псевдонимом Б. Борский), Ю.Н. Тынянов, А.Г. Цейтлин, М.А. Цявловский, А.М. Эфрос и Д.П. Якубович.

Тяга к политическим интригам и заигрыванию с властью, явившаяся следствием рапповского прошлого «Литературного наследства», владела Зильберштейном в 1930-е (и, как показало время, будет владеть им вплоть до конца жизни). Порой она толкала его на более удачные (например, как в случае с публикацией в первой части «пушкинского» тома статьи покойного Луначарского «Пушкин-критик»⁵⁷, предназначавшейся для упомянутого сборника под редакцией Богословского) или менее удачные (например, как в случае с публикацией статьи Д.П. Мирского «Проблема Пушкина»⁵⁸)

⁵⁶ [Зильберштейн И.С.] Ленинградские дела по пушкинской книжке, без даты // РГАЛИ. Ф. 3290. Оп. 2. Ед. хр. 214. Л. 12–14 об. Пункты 31 и 32 вписаны от руки позднее. В архивном фонде Зильберштейна сохранилось еще два небольших более поздних списка дел по «пушкинскому» тому, в основном касающихся его комплектации и иллюстративного материала; обсуждаются в нем все те же авторы, которые указаны в приведенном нами документе (см.: РГАЛИ. Ф. 3290. Оп. 2. Ед. хр. 214. Л. 15, 22).

⁵⁷ Статья напечатана в томе по неправоленной сокращенной стенограмме, отредактированной сотрудником ЛИЯ Комакадемии И.А. Сацем.

⁵⁸ В письме И.А. Виноградова к Сергиевскому от 17 апреля 1934 г. читаем: «Из ленинградских литературных новостей стоит отметить доклад Мирского. Вы, вероятно, уже знаете о нем. Мирскому досталось основательно. Причем главное даже не в выражениях по существу (это тоже было), но в общем отношении к докладу как к очень поверхностному и легковесному. Потерпел ущерб и Десницкий. Его критиковали серьезно и основательно. Выступал один историк. Интересно было выступление Гуковского»

политические авантюры. Однако не всегда эти авантюры — к счастью для Зильберштейна — осуществлялись. Так, в записях Оксмана нашел отражение примечательный эпизод, связанный с подготовкой тома:

Обязательно надо записать о моих встречах летом 1934 г. с Л.Б. Каменевым в Ленинграде, о поездке с ним в Михайловское. О встречах с ним же осенью 1934 г. в Москве. Встречи с Зиновьевым, которого Л.Б. сватал на роль автора популярной брошюры о Пушкине к юбилею. *Репетицией этой брошюры должна была явиться статья Зиновьева в пушкинском томе «Литературного наследства»*⁵⁹.

В декабре 1934 г. Зиновьев был арестован по делу «Московского центра» и исключен из партии. Появление его статьи в «пушкинском» томе означало бы либо запрет на распространение и уничтожение отпечатанного тиража, либо — в лучшем случае — скорое изъятие только поступившего в продажу выпуска.

Размах задуманного Зильберштейном и его соратниками был настолько велик, что реализовать все в намеченные сроки было попросту невозможно; неудивительно, что некоторые предназначавшиеся для тома исследования так и не были завершены к моменту сдачи его в набор⁶⁰. (Не была, например, написана обещанная статья Оксмана «Пушкин и Белинский», о чем Зильберштейн не преминул напомнить ученому почти два десятилетия спустя: «По поводу Вашей статьи “Белинский и Пушкин” (sic!) <...> т. е. о Вашей статье, которую Вы ровно 17 лет тому назад должны были дать в наш пушкинский том. <...> Если Вы в самые ближайшие две-три недели эту

(РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 8–8 об.). После выхода тома на статью Мирского обрушился шквал самой разнообразной критики; среди множества появившихся тогда публикаций укажем на следующие: *Свирин Н.* О национальной ограниченности Пушкина и европейских масштабах Д. Мирского // Литературный Ленинград. 1935. № 32 (118). 14 июля. С. 3; *Розенталь М.* О марксистствующих критиках и социальном анализе // Литературный критик. 1936. № 1. С. 31–47 (см. также: *Розенталь М.* Как совершается изоляция пролетариата от культурного наследства // Розенталь М. Против вульгарной социологии в литературной теории. М.: Гослитиздат, 1936. С. 14–27); *Заславский Д.* Рекорд критика Мирского // Правда. 1936. № 237 (6843). 28 августа. С. 4. См. также: *Мирский Д.П.* Ответ моим критикам // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: АН СССР, 1936. [Вып.] 1. С. 262–264.

⁵⁹ См.: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 179. Л. 68 об.; цит. по: [3, с. 534–535; курсив мой. — Д.Ц.].

⁶⁰ Многие не попавшие в «пушкинский» том сюжеты в том или ином виде вошли в первый, 350-страничный, раздел сборника «Пушкин. Лермонтов. Гоголь» (т. 58. М.: АН СССР, 1952), издание которого готовилось на протяжении второй половины 1940-х гг.

статью закончите, то мы ее дадим во второй том Белинского»⁶¹.) Тираж «пушкинского» тома поступил в продажу в самом начале 1935 г., когда в сталинской культурной политике настало недолгое затишье перед вскоре грянувшей бурей Большого террора⁶². Появление книги сразу же вызвало страстные обсуждения в прессе, главной темой которого стал буквальный погром «академического пушкиноведения», осуществленный силами редакции «Литературного наследства» (и прежде всего Сергиевского). Активнее всего в прессе обсуждались статьи первого — «концептуального» — раздела тома, содержавшие методологические подходы к «марксистскому осмыслению пушкинского наследия»⁶³, тогда как архивной части не было уделено столь много внимания. С ходом времени неоднократно менялись политико-идеологические ориентиры, вместе с которыми причудливо изгибался вектор культурной политики. И чем неумолимее расшатывался методологический каркас «пушкинского» тома «Литературного наследства», тем очевиднее становилась устойчивость его фактического содержания⁶⁴.

Литература

1. *Азадовский К.М.* Жизнь и труды Марка Азадовского: Документальная биография. М.: Новое литературное обозрение, 2025. Кн. 1–2. 488+592 с.

2. *Виноградов В.В.* Жду перемен в своей судьбе: Письма к жене из вятской ссылки, 1934–1936 / под ред. Н.Я. Козел; сопроводит. мат. А.Б. Гусковой и В.Н. Виноградовой. СПб.: Росток, 2024. 424 с.

⁶¹ [Письмо И.С. Зильберштейна Ю.Г. Оксману], 20 февраля 1950 г. // РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 524. Л. 12 об. Речь в письме идет о томе 56 «В.Г. Белинский. П» (М.: АН СССР, 1950). Для этого тома Оксман подготовил объемный критико-библиографический обзор «Переписка Белинского» (с. 201–254). Подробнее см.: [6, с. 112–113].

⁶² Именно поэтому, как кажется, в томе осталась статья Виноградова, сосланного в Вятку в результате приговора по «делу славистов». Сам Виноградов сомневался в возможности появления работы и писал жене 9 июня 1934 г.: «Прочел в “Известиях” 1-го июня заметку о составе Пушкинского номера “Литературного наследства” и расстроился: моей статьи не указано и моего имени нет. <...> Неужели в “Литературном наследстве” моей статьи не будет или смешают меня с каким-нибудь И. Виноградовым? У меня просто руки опускаются» (см.: АРАН. Ф. 1602. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 59; цит. по: [2, с. 101]). Однако 7 февраля 1935 г. в «Известиях» (№ 33 (558)) появилась информация о выходе тома с упоминанием статьи Виноградова, о чем он с радостью сообщил жене в письме от 10 февраля (см.: АРАН. Ф. 1602. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 404–405).

⁶³ См.: *Селивановский А.* Наследство Пушкина // Литературный критик. 1935. № 12. С. 237–247. См. также: *Благой Д.* О Пушкине: (Ответ А. Селивановскому) // Литературный критик. 1936. № 2. С. 146–159; *Винокур Г.* Об изучении Пушкина // Литературный критик. 1936. № 3. С. 67–82. Реакцию Виноградова на статью Селивановского см.: См.: АРАН. Ф. 1602. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 446–447 об.

⁶⁴ Не случайно в начале июля 1943 г. Оксман писал: «Недавно мне попался Пушкинский том “Литературного наследства” <...>. Прочел внимательно <...> и даже удивился, что многое сделано очень неплохо. Конечно, сейчас бы сделать это можно с более широкой перспективой, но самый фонд заложен «всерьез и надолго», и исходные линии исследования намечены правильно» (цит. по: [3, с. 542]).

3. *Зайцев А.Д.* «Человек жизнерадостный и жизнедеятельный...»: набросок портрета Ю.Г. Оксмана по материалам его архива // Встречи с прошлым / сост. Н.Б. Волкова. М.: Сов. Россия, 1990. Вып. 7. С. 525–566.

4. Из переписки Ильи Зильберштейна и Сергея Макашина (1932–1934) / подгот. текста и публ. А.Ю. Галушкина и М.А. Фролова; комм. М.А. Фролова // Культурологический журнал. 2015. № 3 (21). С. 1–31.

5. «Литературное наследство» за 80 лет. Указатели к томам 1–103 за 1931–2011 годы: в 5 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Кн. 1. 582 с.

6. Марк Азадовский. Юлиан Оксман: Переписка, 1944–1954 / сост., вступ. ст., коммент. К.М. Азадовского. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 409 с.

7. *Московская Д.С.* «И тут не только молодость, тут одержимость»: К истории «Литературного наследства» как академической школы // «В служении одному делу...»: «Литературное наследство» в воспоминаниях и переписке И.С. Зильберштейна и С.А. Макашина. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 8–28.

8. *Московская Д.С.* Из истории академической серии «Литературное наследство» (К 90-летию издания) // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6. № 4. С. 446–465. DOI: 10.22455/2500-4247-2021-6-4-446-465

9. *Московская Д.С.* Из истории литературной политики XX века: «Литературное наследство» как академическая школа // Вопросы литературы. 2018. № 1. С. 296–333. DOI: 10.31425/0042-8795-2018-1-296-333

10. *Сарычева К.В.* Из переписки Вл.Д. Бонч-Бруевича с М.С. Боровковой-Майковой, 1933 год // Новые звенья: Ежегодник ГМИРЛИ имени В.И. Даля. М.: ГМИРЛИ им. В.И. Даля, 2024. Вып. 1. С. 93–145.

11. *Турчаненко В.В.* «Пишу в стихах посланье в Сочи...»: Черноморские открытки Б.В. Томашевского и Д.П. Якубовича (лето 1933 года) // «...и не кончается строка»: сб. в честь Марии Наумовны Виролайнен. СПб.: Росток, 2024. С. 267–297.

12. *Турчаненко В.В., Цыганов Д.М.* Пушкин наш, советский! Очерки по истории пушкиноведения сталинской эпохи (Идеи. Проекты. Персоны). М.: Новое литературное обозрение, 2025. 792 с.

13. *Цыганов Д.М.* «И миру тихую неволю в дар несли...» Идеология и прагматика пушкиноведческих работ профессора Д.Д. Благого (1920–1950-е годы) // Временник Пушкинской комиссии. СПб.: Росток, 2024. С. 193–222.

14. *Цыганов Д.М.* Пушкиноведческие труды академика В.В. Виноградова и идеологический контекст эпохи сталинизма // Временник Пушкинской комиссии. СПб.: Росток, 2023. С. 181–203.

15. *Цявловский М.А., Цявловская Т.Г.* Вокруг Пушкина (дневники и статьи 1928–1965 гг.) / изд. подгот. К.П. Богаевская и С.И. Панов. М., 2000. 333 с.

16. *Шумихин С.В.* В.Д. Бонч-Бруевич и И.С. Зильберштейн у истоков советского музейно-архивно-публикаторского дела // И.С. Зильберштейн: Штрихи к портрету. М.: Наука, 2006. С. 72–119.

From the History of the “Literary Heritage” Academic Series: The Pushkin Volume (*Vols. 16–18*).

© 2025. Dmitry M. Tsyganov

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia.

Acknowledgements: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and was financially supported by the Russian Science Foundation, grant no. 25-18-00196 “From Early Writers’ Associations to the Organizing Committee of the Union of Soviet Writers: The Genesis of Institutional Forms in the Cultural Construction of the RSFSR/USSR (Digital Archive of Documentary Data and Research)” (<https://rscf.ru/project/25-18-00196/>).

Abstract: The article examines the history of the preparation of the “Pushkin” volume from the series “Literary Heritage” (vols. 16–18, Moscow, Zhurgazo’beninienie Publ., 1934), which became one of the most ambitious projects in Soviet literary studies of the 1930s. The focus of the study is on analyzing the strategies employed by Ilya S. Zilberstein and Ivan V. Sergievsky to interact with the methodological “heritage” of pre-revolutionary and early Soviet Pushkin studies. As curators of this project, they accused their predecessors of being “micro-conceited,” obsessed with small biographical details, and lacking a systematic approach to the poet’s biography and work. In contrast, the volume of Literary Heritage was positioned as the beginning of a “Marxist-Leninist” study of Pushkin, where his work was to be analyzed not only as an aesthetic but also as a social and historical phenomenon. At the same time, the preparation of this volume reflected the struggle between scientific schools: Leningrad textualists and Moscow researchers had different views on the objectives of the “new” Pushkin studies. Despite its openly ideological rhetoric, the collection retained its scientific value not only because of the publication of unique materials, but also because of its attempt to synthesize historical, literary, and sociological approaches to Pushkin’s biography and works. The article provides a detailed analysis of the publication’s editorial policies, key methodological principles, and the ideological context in which the “Pushkin” volume of “Literary Heritage” was created.

Keywords: intellectual history, history of science, history of soviet literary studies, soviet Pushkin studies, ideology and philology, Literary Heritage, Alexander S. Pushkin, Ilya S. Zilberstein, Boris V. Tomashevsky.

Information about the author: Dmitry M. Tsyganov, Research Fellow, Manuscripts Department, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6633-3401>

E-mail: tzyganoff.mitia@yandex.ru

For citation: Tsyganov, D.M. “From the History of the ‘Literary Heritage’ Academic Series: The Pushkin Volume (Vols. 16–18).” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (38), 2025, pp. 434–470. (In Russ.) <https://doi.org/>

References

1. Azadovskii, K.M. *Zhizn' i trudy Marka Azadovskogo: Dokumental'naia biografiia* [Life and Works of Mark Azadovsky: Documentary Biography], vols. 1–2. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2025. 488+592 p. (In Russ.)
2. Vinogradov, V.V. *Zhdu peremen v svoei sud'be: Pis'ma k zhene iz viatskoi ssylki, 1934–1936* [Waiting for Changes in My Destiny: Letters to My Wife from the Vyatka Exile, 1934–1936], ed. by N.Ia. Kozel, accompanying mat. by A.B. Gus'kova and V.N. Vinogradov. St. Petersburg, Rostok Publ., 2024. 424 p. (In Russ.)
3. Zaitsev, A.D. “‘Chelovek zhizneradostnyi i zhiznedeiatel'nyi...’: Nabrosok portreta Iu.G. Oksmana po materialam ego arkhiva” [“A Cheerful and Active Man...’: Sketch of a Portrait of Yu.G. Oksman Based on Materials from his Archive”]. *Vstrechi s proshlym* [Meetings with the Past], issue 7, comp. N.B. Volkova. Moscow, Sovetskaiia Rossiia Publ., 1990, pp. 525–566. (In Russ.)
4. “Iz perepiski Il'i Zil'bershteina i Sergeia Makashina (1932–1934)” [“From the Correspondence Between Ilya Zilberstein and Sergei Makashin (1932–1934)”], text prep. and publ. by A.Iu. Galushkin and M.A. Frolov, comm. by M.A. Frolov. *Kul'turologicheskii zhurnal*, no. 3 (21), 2015, pp. 1–31. (In Russ.)
5. “Literaturnoe nasledstvo” za 80 let. *Ukazateli k tomam 1–103 za 1931–2011 gody: v 5 kn.* [“Literary Heritage” for 80 Years. Indexes to Volumes 1–103 for 1931–2011: in 5 books], vol. 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2012. 582 p. (In Russ.)
6. Mark Azadovskii. *Iulian Oksman: Perepiska, 1944–1954* [Mark Azadovsky. Yulian Oksman: Correspondence, 1944–1954], comp., introd. and comm. by K.M. Azadovsky. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 409 p. (In Russ.)
7. Moskovskaia, D.S. “‘I tut ne tol'ko molodost', tut oderzhimost'”: K istorii ‘Literaturnogo nasledstva’ kak akademicheskoi shkoly” [“It’s Not Just Youth, It’s Obsession”: On the History of the ‘Literary Heritage’ as an Academic School”]. “*V sluzhenii odnomu delu...*”: “Literaturnoe nasledstvo” v vospominaniakh i perepiske I.S. Zil'bershteina i S.A. Makashina [“Serving One Cause...”: “Literary Heritage” in the Memoirs and Correspondence of I.S. Zilberstein and S.A. Makashin]. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 8–28. (In Russ.)
8. Moskovskaia, D.S. “Iz istorii akademicheskoi serii ‘Literaturnoe nasledstvo’ (K 90-letiiu izdaniia)” [“From the History of the Academic Series ‘Literary Heritage’ (On the 90th Anniversary of the Publication)”]. *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 446–465. DOI: 10.22455/2500-4247-2021-6-4-446-465 (In Russ.)
9. Moskovskaia, D.S. “Iz istorii literaturnoi politiki XX veka: ‘Literaturnoe nasledstvo’ kak akademicheskaiia shkola” [“From the History of Literary Policy of the 20th Century: ‘Literary Heritage’ as an Academic School”]. *Voprosy literatury*, no. 1, 2018, pp. 296–333. DOI: 10.31425/0042-8795-2018-1-296-333 (In Russ.)
10. Sarycheva, K.V. “Iz perepiski V.I.D. Bonch-Bruevicha s M.S. Borovkovoi-Maikovoi, 1933 god” [“From the correspondence of V.I.D. Bonch-Bruevich with

M.S. Borovkova-Maikova, 1933”]. *Novye zven'ia: Ezhegodnik GMIRLI imeni V.I. Dalia* [New Links: Yearbook of the State Museum of Russian Literary Literature named after V.I. Dahl], issue 1. Moscow, State Museum of Russian Literary Literature named after V.I. Dahl Publ., 2024, pp. 93–145. (In Russ.)

11. Turchanenko, V.V. “Pishu v stikhakh poslan'e v Sochi...”: Chernomorskie otkrytki B.V. Tomashevskogo i D.P. Yakubovicha (leto 1933 goda)” [“I’m Writing a Message in Verse to Sochi...”: Black Sea Postcards by B.V. Tomashevsky and D.P. Yakubovich (Summer 1933)”. “...i ne konchaetsia stroka”: *sbornik v chest' Marii Naumovny Virolainen* [“...and the Line Does not End”: Collection in Honor of Maria Naumovna Virolainen]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2024, pp. 267–297. (In Russ.)

12. Turchanenko, V.V., and D.M. Tsyganov. *Pushkin nash, sovetskii! Ocherki po istorii pushkinovedeniia stalinskoi epokhi (Idei. Proekty. Persony)* [Pushkin is Ours, Soviet! Essays on the History of Pushkin Studies in the Stalin Era (Ideas. Projects. Persons)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2025. 792 p. (In Russ.)

13. Tsyganov, D.M. “I miru tikhuiu nevoliu v dar nesli...’ Ideologiya i pragmatika pushkinovedcheskikh rabot professora D.D. Blagogo (1920–1950-e gody)” [“And They Brought Quiet Bondage to the World as a Gift...’ Ideology and Pragmatics of Pushkin Studies Works by Professor D.D. Blagoy (1920–1950s)”. *Vremennik Pushkinskoi komissii* [Periodical of the Pushkin Commission]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2024, pp. 193–222. (In Russ.)

14. Tsyganov, D.M. “Pushkinovedcheskie trudy akademika V.V. Vinogradova i ideologicheskii kontekst epokhi stalinizma” [“Pushkin Studies Works of Academician V.V. Vinogradov and the Ideological Context of the Stalinist Era”. *Vremennik Pushkinskoi komissii* [Periodical of the Pushkin Commission]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2023, pp. 181–203. (In Russ.)

15. Tsiavlovskii, M.A., and T.G. Tsiavlovskaiia. *Vokrug Pushkina (dnevnik i stat'i 1928–1965 gg.)* [Around Pushkin (Diaries and Articles, 1928–1965)], ed. by K.P. Bogaevskaia and S.I. Panov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. 333 p. (In Russ.)

16. Shumikhin, S.V. “V.D. Bonch-Bruevich i I.S. Zil'bershtein u istokov sovetskogo muzeino-arkhivno-publikatorskogo dela” [“V.D. Bonch-Bruevich and I.S. Zilberstein at the Origins of Soviet Museum, Archive and Publishing Business”. *I.S. Zil'bershtein: Shtrikhi k portretu* [I.S. Zilberstein: Strokes to a Portrait]. Moscow, Nauka Publ., 2006, pp. 72–119. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 28.08.2025

Одобрена после рецензирования: 27.10.2025

Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 28.08.2025

Approved after reviewing: 27.10.2025

Date of publication: 25.12.2025